

АЛИНА НЕЧАЙ

Дорога в ад

ОНА БЫЛА, И ЕСТЬ, И ВНОВЬ...
КАК ДРУГ ОНА, ЕЙ ДОРОЖИМ.
НО ОХРАНЯЕМ МЫ ЛЮБОВЬ —
КОГДА ОТ ХОЛОДА ДРОЖИМ

Алина Нечай

Дорога в ад

«Издательские решения»

Нечай А.

Дорога в ад / А. Нечай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906219-2

Роман о нелегкой судьбе девушки, которая прошла все круги ада. В 15 лет Александра попробовала наркотики. В 17 — узнала о страшном диагнозе. Через несколько месяцев она была уже в Ереване, где проходило испытание нового лекарства «Арменикум». В романе всё переплетено: и политика. и любовь, и обман... Но, главное, здесь нет ни одного выдуманного слова.

ISBN 978-5-44-906219-2

© Нечай А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Дорога в ад

Алина Нечай

© Алина Нечай, 2018

ISBN 978-5-4490-6219-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Наркоманка

Почему все люди такие одинокие? Почему бог сотворил людей, но сделал так, что они не находят друг в друге родственника? Наверно бог хочет, что бы все любили только его. А может во всем виновны Адам и Ева? Может они-то находили друг в друге то, что нам приходится искать где-нибудь в другом месте, но им стало скучно...

«Литература – это исповедь,
Под видом исповеди – проповедь,
Для тех, кто ненавистен, – отповедь,
Для всех, кого ты любишь, – заповедь».
(Лев Ошанин)

***

Глава 1
Я тебя люблю

Он никогда не услышал от меня, что он урод. Даже когда мы ссорились, даже когда я готова была убить его. А он был уродом.

И пишу я сейчас об этом, потому что хочу ему отомстить. Я не говорю, что именно он поломал мне жизнь. Нет, это сделала я сама, но он мне в этом сильно помог.

Мне двадцать три года, а я уже все успела потерять. И любовь, и здоровье, и будущее... Единственное, что мне осталось, так это – писать. Сочинять я умею стихи, а вот с прозой туговато. Поэтому я буду просто писать правду, о том, что было. И мечтать...

*****

О моем детстве можно рассказывать долго. О том, что я была трудным, просто невозможным ребенком; о том, что я всегда добивалась того, чего хотела; о том, что не боялась ни бога, ни черта. О том, что у меня всегда все получалось... Папа говорит: захотела поплыть – поплыла, села за руль – поехала. В школе все легко, в музыкалке – лучшая, и т. д. и т. п.

Вплоть до того момента, как я в четырнадцать лет влюбилась. И тут ушла из-под ног земля. Любовь не была безответной и не была внезапной. Мой одноклассник на 8 Марта пригласил меня на танец, а потом спросил что я делаю вечером? Я ответила, что танцую на школьной вечеринке с ним. Он улыбнулся и спросил:

– А потом?
– Ничего.

Мы привыкали друг к другу постепенно, пока простая симпатия не переросла во что-то очень большое. Но, как и у большинства людей, эта первая любовь оборвалась. Как выяснилось через три дня еще не законченная и не прошедшая. Я его бросила ради мимолетного увлечения. А когда поняла свою ошибку, было уже поздно.

Странно конечно в пятнадцать лет применять словосочетание “ мимолетное увлечение», но как сказать по-другому я не знаю. Тогда на горизонте показался парень на целый год старше меня и, как мне показалось сразу, интересней. Но зачем он мне нужен был такой? Верней, зачем ему нужна была я?

У нас так ничего и не получилось. Я знала, что он ко мне ничего не чувствует, я ему была не нужна, и простую симпатию приняла за любовь. Я каждый вечер приходила домой в слезах, пока однажды не решила: все, хватит. Я позвонила ему и спросила по телефону:

– Это все? Между нами все кончено? Просто я хочу, что б ты это сказал.

– Да.

И тогда мне показалось, что я оказалась в очень страшном положении. Первая любовь не давало о себе забыть, но мой парень уже встречался с другой, которая любила его с первого класса. Больше нравилась нашей классной руководительнице... почему? Она была моей подругой, моей одноклассницей... Ведь он только недавно говорил, что любит меня, а вчера я увидела в школьном коридоре, как она стоит возле него, плачет, – видно признается в любви, а потом бросается ему на шею, и он ее обнимает.

И были потом мои слезы, но еще оставалась уверенность в том, что я и он созданы друг для друга, и быть нам вместе – судьба. Пусть пройдет неделя или десять лет, это не важно! Я не собиралась ненавидеть ни ее, ни его, по крайней мере на глазах у всех. Я была гордой и все чувства прятала далеко. Я была злой, грубой и невнимательной, а он нежный, добрый и внимательный. А противоположности сходятся.

После этой любви остались дрожь в руках, спотыкание на ровном месте, и потерялась уверенность в себе. Ну, скажите, как его можно было разлюбить? Помню, едем мы на велосипеде по лесу, а он останавливается и показывает на дерево:

– Смотри, видишь? – спрашивает у меня.

– Нет.

– Белка.

В общем, белку я не увидела, а вот он смотрел на меня как на маленького ребенка. Наверно это была нежность-в его душе... глазах...

А еще он чувствовал то же, что и я: уроки закончились, и мы шли из школы.

– Сегодня встречаться не будем. Будем готовиться к контрольной.

Я была абсолютно согласна.

И мы разошлись. А в обычное время, вечером пришли на наше место друг к другу на встречу.

А еще, когда я лежала в больнице, в кардиологии, когда я сидела возле кабинета УЗИ, и мне было до боли одиноко, и я мечтала о том, что он сейчас придет, он...

Я оторвалась от своих мечтаний и увидела, что он стоит рядом. Первым моим порывом было обнять его, но я лишь подпрыгнула на стуле. Мы тогда еще не обнимались, не целовались и даже не держались за руки. Опустим, до какого отчаяния доводило меня это наше поведение, но я сама была виновата. Даже когда он решался было меня обнять, я так на него могла в тот момент посмотреть, что у него пропадала всякая охота.

А еще на мой день рождения он подарил мне мягкую игрушку, на которой было написано английскими буквами «Я тебя люблю».

А когда он провожал меня в последний раз, он произнес это самое вслух:

– Я тебя люблю...

Я осталась стоять на площадке перед своей квартирой, а за ним закрылись двери лифта.

Он почти плакал, а мне стыдно было это слышать и видеть. Мне этого не надо было в тот момент. Я была увлечена другим. Но у меня хватило совести хотеть, что б мой бывший парень был счастлив, и чтоб меня не мучила совесть. С ним я была счастлива. А без него я бы была счастлива? Не знаю, но я очень этого хотела.

Может этот мой поступок спас его от меня. Со временем мы стали просто друзьями. И именно потому, наверно, что внутри любили друг друга. Просто нам нельзя было почему-то быть вместе.

Судьба... не судьба,... поди тут разбери в делах божьих.

Я уверена, что он бы меня простил, если б не его желание отомстить.

Его звали Вова, а меня зовут Саша.

Одно хорошо в этой истории, что сейчас я его уже разлюбила.

Может быть, нас судьба сведет снова, может быть я в него снова влюблюсь, но сейчас я чувствую себя отпущенной на волю. Плохо, что в моей жизни это не единственная история любви, и от другой мне уже не освободиться никогда.

Сразу после той неудачной любви у меня появилась подружка по имени Лида. Она научила меня глотать «колеса» и прогуливать уроки. И в этом деле ученицей я была хорошей. Если до этого момента я за десять лет учебы в школе со страхом прогуляла только один урок физкультуры с одноклассниками, то теперь, благо дело я всегда была простужена, я раз за разом приносила в школу справки от врача, что я две недели, как болела.

Потом я познакомилась с Лидиными одноклассниками, которые меня чуть не избili. Побили Лиду, а я ничего не могла сделать. Только взяла в руки нож, и сказала одной из них:

– Я сейчас перережу себе вены, если вы не оставите ее в покое, – и приставила нож к запястью.

Я редела и не знала, как Лидке помочь. Одна из ее одноклассниц отобрала у меня нож, но все – таки Лиду оставили в покое. Это ей было за то, – сказали они, – что она научила меня глотать «колеса». Зато на следующий день одна девочка из их компании сама накушалась таблеток, так, что пришлось вызывать ей «скорую помощь». А ту девчонку, что отбирала у меня нож, нашли голую, без сознания на стадионе возле школы, после того, как она обьяелась дурмана. Я одного не могла понять: как с ней живет ее мать? Я даже предположить не могла, что дома она может быть другой, не такой жестокой. Ее давно пора из дома выгнать, как ее можно любить? Даже матери родной...

Этот жестокий мир...

Потом я узнала, что Лида меня обманывает, постоянно придумывает какие-то истории. Она сама мне призналась. Я смотрела на нее круглыми глазами и не могла понять:

– Но зачем, Лида?..

– Просто я другая. Но я тебе обещаю, честное слово, что больше не буду. Ты совсем не такая, с какими подружками я общалась раньше, мне просто стало стыдно тебя обманывать. Я тебе сказала, что я была беременна, но я это выдумала.

Потом оказалось, что ничего она не выдумала. Просто есть люди, которым обманывать нужно, как воздухом дышать. Так их когда-то научили.

Однажды ребята со двора зафукали мои рассказы о том, как я глотаю «колеса».

– Ты думаешь – крутая? Ерундой страдаешь! Хочешь настоящий кайф попробовать?

Тут я остолбенела и обозвала их:

– Наркоманы.

Славик обиделся даже и растерялся:

– Пи... ец, ты меня задела...

Они тогда еще сами были новичками в этом деле. Я же и не понимала, что они по-настоящему наркоманы. Они говорили «ширка», они предлагали мне маковую соломку. Тю, разве ж это наркотик? Героин – вот это наркотик. А это... непонятно что!

Шло время. Я видела пацанов под ширкой. Они становились в те часы вежливее, услужливее, добрее, (куда это все потом делось?) вот таких людей я любила. А остальных ненавидела.

И однажды я согласилась.

Вот в «Бригаде» Сашу Белого наркотик не взял. Еще есть у меня знакомый, что после первого раза его так тошнило, ему было так плохо, что больше он ни – ни. А вот меня взяло, блин! И димедрол нашелся, который добавили в ширку, что б не тошнило...

И почему так? Одним везет, другим – эх...!

Я только что задалась вопросом: почему нет такого человека, который бы попробовал, ему бы было очень хорошо, и на этом он бы остановился? Узнал бы что это такое и все, табу. Нет, не знаю я таких людей.

Глава 2

Любовь, друзья, враги и деньги

Следующий период моей жизни трудно описать. Первый укол, за ним второй, появился Валик... с которым я начала встречаться, обниматься, целоваться, за руки держаться и тому подобное.

День за днем ожидание счастья, когда мы снова будем колотиться...

Как описать эту жизнь? Начну с описания друзей.

– Держи, это тебе, – в качестве подарка он мне протянул шприц с ширкой – наркотическим раствором, который вводится в вену.

Они – друзья вроде как и есть, и вроде как их и нет. Так, держатся один за другого...

– Завтра с утра мы с Валиком у меня варим, а вы с Дашей придете попозже.

(Варят – Женя с Валиком. Соломку. С Дашей попозже должна прийти я). Мы вчетвером – друзья. Есть еще пара человек. Мы вроде есть – друзья. Я дружу с Валиком, он держится с Женей, который дружит с Дашей, а та держится меня.

...Любовь.

Ни Валик, ни Женя описанию не подлежат, но мы их любим. А они – нас. А еще мы с Дашей любим вмазаться, в смысле уколоться.

У меня сначала всегда ширка, а потом любовь. Правда было какое-то время, что мы все прыгнули, в смысле завязали с наркотиками – так любовь была у нас с Валиком без ширки. Правда с водкой или после водки. По-другому мне не хотелось, да и так получалось, что по-другому не получалось. Не успевалось. Мы всегда то пили, то кололись.

Любовь не сильно наша отличалась от той же дружбы. Вроде она есть, а вроде ее и нет. Опять же – наслаждения от нее никакого – ни душе, ни телу.

Ни родители, ни братья, ни сестры ничего не знают и не понимают.

И чем я действительно думала? Я даже вообразить себе не могла, что мама с папой узнают когда—нибудь... У меня один знакомый спросил:

– Родители еще не знают, что ты – наркоманка?

Я тогда подумала: что значит еще?! Они никогда не узнают! И ответила:

– Ты что?!

Когда это было...

Они не понимают... и поэтому их тоже вроде как и нет.

А как на это все смотрят одноклассники и одногруппники? Был у меня в группе друг. Мы как—то сразу с ним еще на первое сентября на линейке возле института подружились. Может, потому что учились до этого в одной школе... Потом, когда я раз через раз появлялась на парах, мы садились за одну парту, после учебы вместе пешком шли домой. Он играл в баскетбол, и я с ним ходила вместо пар на игры.

Уже на первое сентября меня ломало, и поэтому с каждым днем я все больше и больше терялась в этой жизни. И в глазах этого парня.

В конце, зимой, перед тем как я совсем забила на институт, он по дороге домой не выдержал и спросил:

– Саша, ты колешься?

– Ты что? С ума сошел? Как тебе такое могло в голову прийти?!

В общем, всем понятно. Потом я и в глаза б ему не смогла посмотреть, если б не бросила учебу.

А еще деньги. Без них ничего бы не было, поэтому деньги были. Но, как это не смешно звучит, но денег не было.

И за такое счастье я вначале получила пощечину от подружки Валика, с которой он встречался до меня. То есть до того момента, как она нас с ним застукала целующихся на дискотеке в первой школе. И с которой он впопыхах порвал перед тем, как начал встречаться со мной. Вот как это было.

В тот вечер мы напились водки, выкурили драпа и пошли на дискотеку. Там мы танцевали – целовались, танцевали – целовались, ехали, ехали и приехали. Ее не было, но она откуда-то появилась. Позвала меня на улицу. Пока мы спускались по ступенькам, Валик нас догнал и потянул ее за собой, как только что тянула она меня. Но она меня таки достала. Нашла момент, когда Валика не оказалось рядом, и врезала мне по лицу. От обиды я заревела. Хотя нет, скорее от драпа. От водки, и просто, чтоб меня пожалели друзья, которые тогда были с нами и за нас.

Были у меня и враги, как и друзья и любовник...

Пара девушек. Но они тоже наркоманки. А таким надо держаться Валика и надо дружить со мной. Там, где я – там и Валик, а там, где Валик – там ширка. Ведь этот человек – ничто без наркотика, как вор – не вор без тюрьмы.

Так какая же жизнь была у нас?

Как ни странно, но последний год школы я закончила даже лучше, чем предпоследний. Мы тогда с Валиком, Дашей и Женей кололись лишь по праздникам.

Пришла весна – сама по себе праздник, и мы начали колоться по пятницам.

Пришло лето, каникулы, и мы... мы еще контролировали себя. Да – да!

Закончились каникулы. И все, закончилась жизнь. Четыре месяца были превращением нас из людей в нелюдей. Мы стали настоящими наркоманами. Впрочем, не мы, а я с Дашей. Валику и Жене это было не в первой.

Мы кололись, но мы знали с Вале́й, что мы должны бросить. Желаний вмазаться боролось с остатками человеческих чувств. Мы даже с Валиком раз насобирали денег на трамадол. Чтоб завязать, прыгнуть в смысле. Какой-то барыга нам рассказал об этом лекарстве:

– Ну вообще не чувствуешь кумаров (ломки), а тех кто не двигается (колется), даже прет.

И мы с Вале́й загорелись.

Так вот. Одним вечером давай мы названивать во все аптеки из его кухни:

– Есть ли у вас в продаже трамадол?

И тут услышала его мама:

– А зачем вам? А что это?

Я говорю:

– Это мне, – о том, что я колюсь, она ничего не знала.

Я что—то там придумывать стала, но кто поверит? Пришлось Валику признаваться:

– Это мне. Я, мама, колюсь опять, но завязываю, добавь денег.

И она добавила.

А мы с Вале́й вот так потом поссорились: этого трамадола нигде не оказалось. Зато в одной аптеке была последняя упаковка трамалгина. Какая разница? Этот в четыре раза дешевле. Ну а действие должно быть тоже. И попробуй, докажи мне обратное, когда мы прочитали аннотацию, предварительно купив «колеса».

– Сдай обратно, – говорю ему.

– Не буду.

Я сразу в слезы, кричу.

Он, конечно же, пошел обратно. Забирать деньги. Вернулся.

– Я—то сдал, но сразу за мной какой—то пацан их забрал.

Мол, я сделала ошибку. Если б эти таблетки были плохими, то не забрал бы.

А мне все равно. До тех пор, пока стало ясно, что мы сегодня останемся ни с чем. И я понимаю, что надо соглашаться с Валиком, и трамалгина, понимаю, что мы лишились тоже. А он ржет:

– На, – достает из кармана таблетки.

Конечно же, вместо того, чтоб обрадоваться, я разозлилась. Все наркотики...

Завтра мы купили и трамадол. Выпили. И ничего. В смысле не ломает. Вот и хорошо.

Мы зашли к знакомому Валика. Валик пошел на кухню, где шла варка, оставив меня не мешать в зале. Мне хотелось только одного – спать. Днем постоянно бегаешь, ночью смотришь глюки, пока прет, потом, когда перестаешь смотреть глюки и начинает ломать, опять же не до сна. И я заснула. Выпустив Валика из вида.

Будит и дает мне подарок, с улыбкой:

– На, – в руке шприц.

Что—то там внутри меня взбунтовалось, но так и осталось там внутри.

****

Как-то захотелось просто отдохнуть. Я сказала Валику, что хочу побыть дома, и он запаял мне в несколько ампул несколько кубов ширки. Но это почему-то тоже не получилось.

На ночь глядя он явился:

– Дай два куба, а то я на кумарах (на ломках).

Так все и шло до Нового года, а там стало туго с соломой. Нечего варить.

На Новый год, слава богу, или вопреки его стараниям, нам повезло. Нашлась солома, причем в два раза дешевле, чем обычно. Хорошо, потому, что с денежкой тоже было плохо.

Но после Рождества удача отвернулась. У нас с Валиком не было уже ни копейки. Чего я только не придумывала маме, чтоб она дала мне денег. Но папа запретил давать мне деньги. Что-то заподозрил и решил проверить.

Проверил.

Мне стало уже все равно. Меня ломало, я кашляла, рвала, рыдала, но... накрутилась и вытянула у мамы из сумочки 20 гривен.

Вроде такая малая сумма, аж смешно, а мне тогда словно жизнь спасла. Валик, урод, до этого момента так и не появился, и я пустила его по боку. Пошла к знакомой наркоманке – барыге и купила себе ширки.

Потом я от Валика позвонила домой, потому что папа позвонил Валиковой маме, и вместе они решили то, что и должны были решить.

Папа был пьян и сказал мне:

– Саша, ничего не бойся и иди домой.

А что мне оставалось еще делать?

И чем я думала?..

Глава 3

Ломка

Я вернулась домой.

Мама все не могла поверить:

– Саша, покажи мне руки, куда ты кололась?

А посмотреть было на что. По началу, конечно, я старалась это делать так, чтоб не было видно. Но когда все мелкие незаметные вены сгорели, пошли в ход и самые, что ни на есть видимые центральные. Мама посмотрела. Не знаю, что творилось у нее на душе, но она ушла из комнаты. У нее опустились руки.

Папа же, пока был выпивши, старался держаться.

Зато на следующее утро родители поменялись ролями. Папа, как загнанный зверь, не знал что делать, а мама взяла себя в руки. Мне же, как назло, стало плохо еще в 4 часа утра. Вчера я укололась только один раз, а надо было, хотя бы дважды.

Пару часов, до открытия больниц, мы просто все вместе не спали, а потом папа стал одеваться. Он собрался к своему двоюродному брату – психологу:

– Он даст тебе каких-нибудь таблеток.

Меня же это не обрадовало. Я прекрасно, в отличие от отца, знала, что никакие таблетки мне не помогут. Мне нужна была только ширка.

Скажу еще: мы с Валиком вчера договорились, что спрыгиваем вместе. Как я, так и он. Мне было холодно, так хоть это меня согревало.

Но человек живет надеждой, и я ждала, когда вернется папа хоть с какими—то таблетками. Станный он, этот папа. Еще в 4 часа утра он спрашивал у меня, что надо делать? и я отвечала, что надо купить сухой маковой соломы, и есть ее, с каждым разом все уменьшая порцию. Папа с мамой клялись, что сделают, как я говорю, потому, что сами они не знают, что делать. К врачам они обещали не ходить, потому, что там помощи нормальной, ясный пень, не найдешь.

Но когда дело дошло до дела – папа таки пошел к врачам. А я разочаровалась и поняла, что пережить мне придется все по полной программе.

Папа принес сибазон, я проглотила 4 таблетки. Так, не знаю для чего. Больше не хотелось, потому, что все равно не было смысла. Конечно же, это мне не помогло.

Мама, которая в отличие от вчерашнего вечера, сегодня мне очень сочувствовала, предложила мне съесть головку мака, оставшуюся после

Маковея в вазе. Единственную. Другие я съела когда—то.

Я ее сжевала, запивая водой, и кое—как затолкнула в желудок. А она такая, что никак не хотела проталкиваться.

Тут позвонил Валик. С ним разговаривал папа. Я теперь в счет не шла. Валик звонил именно папе. Он предлагал купить стакан соломы, чтоб я на ней спрыгивала. Папа сказал, что подумает.

Через какое—то время Валик пришел сам. Пока происходили все эти события, я не так обращала внимание на свою ломку.

В общем, папа открыл дверь, я маячила у него за спиной. Или, наоборот... но Валик посмотрел на отца и сказал:

– Я к вам.

Они закрылись на кухне.

Мной еще управляла надежда на то, что кто-то что-то придумает, и меня перестанет ломать.

Папа принес от брата две ампулы, как он сказал, с чистым наркотиком. Когда станет совсем уж плохо, мама мне уколует. Но что-то тут было не так, я чувствовала, и оттягивала момент, когда мне станет совсем плохо. Вот как на меня давил папа. Меня ломает, а я думаю, что мне еще не совсем плохо.

А в ампулах был просто аминазин. Для чего он? А для того, чтоб усмирить буйных. Но пока речь о другом. О том, что пришел Валик. «Заботился, беспокоился, и помог». Урод. Хотя я ему никогда этого не сказала.

Он, наверное, шкуру свою спасал от гнева моего отца. Хотя на тот момент Валик еще лишь подозревал, что мой отец может.

Да, у папы были друзья даже в верхах милиции. Но что толку, если эти друзья, вернее друг, встретив как-то папу на троллейбусной остановке, просто спросил:

– Как там твоя дочь?

И все. А ведь знал и Валика, и о том, что я – его девушка. И только сказал:

– Если что – обращайся.

И на том спасибо.

Валик же на кухне объяснил папе, что никакой наркотик они мне не давали, а кололи просто чай.

Это мне понятно, что от чая я бы сдохла, но папа ведь мне ничего об их разговоре не сказал! А Валик еще и добавил, что и ломать-то меня не должно. Так, психологически. И после этого папа стал ко мне более жесток.

Еще против Валика ничего и забросить нельзя, ведь в наших кругах чаем мы называли просто слабый раствор ширки, но папа, наверно, понял все дословно. Но даже если и нет, мне со своей большой дозой не легче. К тому же я женщина, и Валику вообще не понять как мне плохо было. Женщины привязываются быстрее и сильнее.

Хотя... я, конечно же, могу поверить, что даже производя все действия на моих глазах, Валик мог давать мне раствор намного слабее, чем колот себе.

К папе пришла уверенность, что не так все ужасно и зависимость у меня чисто психологическая, в смысле желания уколоть себя иглой, и т. п. Через день, когда он мне расскажет об этом разговоре, я начну сходить с ума, потому, что и сама поверю в зависимость от чая. Конечно, ведь думать логически я тогда еще не могла.

Но и Валику было невесело. Я-таки заставила его мать закрыть его дома. Она попросила свою знакомую медсестру поставить ему капельницу, очищающую кровь. Когда он лежал на своем диване, в комнату зашел его отец. Как только отец узнал, что я тоже колюсь с Валиком, он взял веревку и бросил ее сыну:

– Вот тебе веревка. Иди в подвал – и вешайся.

Причем сказал это очень серьезно.

Но это чуть попозже, а сегодня, после сибазона, после маковой головки меня с каждой минутой скручивало все больше и больше.

Я обратилась к отцу:

– Ты дашь Валику денег на солому?

Папа меня сильно разочаровал:

– Нет. Мы завтра пойдем к женщине—наркологу. С ней сегодня договорится мой брат. Она тебе поможет. Не бойся, класть тебя в диспансер мы не будем. Будешь на дневном стационаре.

Успокоил. Я только про себя улыбнулась. Значит, на родителей надежды никакой. Ну что ж, их в этом обвинять не надо. Но мне—то что делать?! мой мозг начал усиленно работать. Что ж делать? Как достать ширку, когда родители, как церберы, не спускают с меня глаз и не подпускают у двери?

Сперва, я через уже начавшуюся истерику добилась того, что мама взялась мне уколоть «чистого наркотика». Папа как—то странно посмотрел на меня:

– Ты уверена в этом?

Я только крикнула:

– Да!

Наверное, зря. Потому что, через несколько минут мне стало намного хуже. Дозу мама ввела небольшую, от которой я заснуть бы не смогла, но вот все мои действия аминазин сковал. Мне плохо, а я еще и не могу пошевелить ни ногой, ни рукой. Я не была буйной, но папа меня не пожалел. А и правда, за что? Зачем мама вколола мне этот, блин, чистый наркотик?! Передвигаться, конечно, я могла, но слабо.

И спасение приходит, когда его уже не ждешь. Я тихо заплакала. Странно, – еще днем я даже смеялась.

– Пожалуйста, пусть Валик принесет мне полкуба ширки...

Папа старался сдержаться:

– Как ты его найдешь?

Наверно, папа был уверен, что Валика не будет дома.

– Я ему позвоню!

И он согласился:

– На трубку. Звони.

Только бы он был дома. Хотя я знала, что он будет дома. По-другому не могло быть. Он должен был мне помочь.

Я договорилась с Валиком.

Валик пришел к нам, папа дал ему денег, и он ушел за ширкой.

Ох, как его долго не было! Я ждала два часа, пока мама уже сама не разозлилась где тот Валик. А ведь Валик приходил уже с ширкой во внутреннем кармане. Только папа попросил его погулять где—то пару часиков. Все сошли с ума. Ну что могли решить те два часа? Нет же, папа думал, что я за это время немного спрыгну.

Валик пришел. Отдал папе сдачу, и мы ушли в мою комнату меня колоть. Все равно папа думал, что Валик колет мне чай. И даже завтра, предупрежденная врачаха не поверит мне, что я вчера уколола себе полкуба ширки.

Валик достал шприц с инсулиновой иглой, я правой рукой зажала левое запястье и сжала несколько раз кулак. Зажала кулак, и Валик ввел мне полкуба ширки. Меня сразу разломало. Еще бы, хоть это и не моя доза, но вместе с аминазином, сибазоном... Я заулыбалась, и мы пошли на кухню чего-нибудь перекусить. Еще Валик выпарил для меня корвалолл, и я выпила.

– Оставайся на ночь? – предложила я ему.

Странно, но мне не было перед родителями стыдно ни за ширку, ни за «оставайся на ночь». Если бы Валик захотел, он бы остался.

Он ушел. А ночью не спал никто, кроме меня. Боялись, что я сбегу.

Я утром проснулась и со спокойной душой решила спрыгивать. К воде прикоснуться нельзя. Так на воду реагируют наркоманы, конечно, когда сидят без дозы. Я не смогла даже умыться, но мама включила горячую воду и напустила ванную. Заставила меня залезть. Я послушалась. Я сидела в ванной и легче мне не стало, а вот невозможно стало, когда надо было выходить из ванной. Мама кричит:

– Саша, пора идти!

А я не могу встать и окунуться в холод комнаты. Как назло, и на улице далеко за минус десять.

Вместе с мамой мы вылезли из горячей воды, и я, дрожа, стала одеваться.

Ненавижу зиму и боюсь ее холода! Столько всего надо на себя надевать!

Ни сбегать, ни обманывать, ни втихаря колоться я даже и не собиралась. Я лишь верила, что пройдут три дня, и мы с Валиком спрыгнем и станем нормальными людьми. Ведь именно этого мы и хотели?

Первым делом, что прописала мне врач, это – иглоукальвание. Действенно, правда? Она отвела меня в другую комнату, раздела меня до юбки, то есть снимала с себя все я, а она только просила.

Но я ведь – наркоманка, которую ломает! И мне до смерти холодно!

Врач положила меня на кушетку, безболезненно воткнула в меня иголки и сказала лежать полчаса. Сама вышла и оставила меня одну! Ты же лечишь наркоманов, ты же понимаешь, что так нельзя делать! Я считала секунды. Вернее это они считали меня. Ой, что это я говорю? Выдержала я 15 минут. Надеюсь, что сразу за дверями стоит мама, я стала кричать и звать ее. Слава богу, она там стояла и услышала меня. Перепугалась:

– Что, Саша?

– Позови врача, скажи, что мне очень холодно!

Врач всполошилась, прибежала и повытаскивала из меня свои иголки. Я оделась.

Все. Все остальные процедуры – после того, как я сдам анализ на СПИД, потому, что никто не возьмется делать мне уколы, не зная, есть у меня СПИД или нет. Я тогда удивилась и спросила у папы:

– Может они предпримут все меры предосторожности, как будто у меня СПИД, и делают все процедуры?

– Ну, действительно, – сказал мне папа.

Но против начальства не попрешь.

Анализ решили сдать завтра. Тем более, что больница, где брали этот анализ была рядом с наркодиспансером.

Дома все переполошились и начали допрашивать меня:

– Саша, есть возможность, что ты могла заразиться? – спросил папа.

– Нет, – улыбаясь, ответила я.

– Просто, наркологша сказала, что в нашем городе 99.9% наркоманов ВИЧ – инфицированы.

Глава 4

Есть ли у меня СПИД?

Наш город находится недалеко от Киева. Население не дотянуло и до полумиллиона. Большое село, или «город, который спит под одним одеялом». И речь не только о том, что здесь все всех знают, а о том, что, когда надо что-то сделать, например, сдать анализ на СПИД и получить сразу результаты анализа, не всегда это возможно.

Взяли у меня из вены кровь.

В холле папа сообщал окошку регистратуры мои паспортные данные. Потом паспорт надо будет предъявить, чтоб получить результаты анализа. Но папа решил их запутать и изменил первую букву моей фамилии и полностью отчество.

В окошке записали. Папа поинтересовался:

– Когда результат?

– Завтра приходите.

Мы завтра пришли. А нам говорят:

– Приходите завтра.

Папа ждет нас на улице. У мамы лицо стало каменное:

– Почему? – спрашивает она.

– Наш аппарат показал грязь в крови. Мы перепроверим.

Мама ничего не поняла. Мне же было все равно. Завтра, так завтра.

В наркодиспансере мне все—таки начали делать процедуры и без результатов анализа и без мер предосторожности. Мне поставили капельницу с гемадезом, вкололи туда витамины, потому что, врач сказала:

– Пить витамины в таблетках ей сейчас не имеет смысла. Это слишком маленькие дозы для нее.

Медсестра, которая ставила капельницу, была добрая и улыбалась. Там все были такие. Надо сказать, что лечить меня врач взялась анонимно, но за деньги. И в фамилии моей опять была изменена первая буква.

Потом меня положили на электросон. Пока я там лежала, папа меня ждал рядом и слышал разговор, как одна женщина жаловалась, что никак не может похудеть. Да и вправду, она выглядела отнюдь не худой.

Я вышла, папа посмеялся:

– Посоветуй, Саша, ей как можно быстро похудеть...

Мы пришли домой, и я на пару часов заснула. Ночью—то я спала часа три...

Мук мне ничто не облегчало. И я занимала себя раскрашиванием раскраски. Сидела и раскрашивала, раскрашивала...

Перезванивались с Валиком.

Ночью мама спала, вернее не спала со мной в комнате. У меня там стояли две кровати, когда—то мы обитали здесь с моей сестрой. Потом Настя перебралась жить в комнату родителей, а те – в зал.

На ночь мне прописали какое—то совсем слабенькое снотворное. Не знаю, может опять же, вина в этом лежит на Валике, что он сбил всех с толку своим чаем. В общем, лечить меня не хотели. Я просила трамадол, но и этот вариант отбросили в сторону. Ничего, еще придет его время.

Следующим утром мы с мамой опять пошли за результатами анализов. Нам снова сказали, что результата еще нет.

Мама уже повысила голос:

– Но почему?

И нам опять начали объяснять:

– Наш аппарат показал грязь у нее в крови...

– Что это значит?

– Все, что угодно. Мы не можем поставить окончательный результат. Анализ надо отправлять в Киев.

– И когда будет ответ? – Мама все не понимала.

– Через десять дней.

Я подумала, что это очень долго.

Мама допытывалась дальше. Хотела себя успокоить:

– Но расскажите толком, что значит грязь в крови? Это может быть СПИД?

– Может. Но это может быть еще и гепатит, был случай, что мужчина сдал кровь, анализ показал положительно. Мы отправили кровь в Киев, а там оказалось, что это просто алкоголь.

Потом она добавила:

– А что, есть возможность, что... Или вам анализ нужен, чтоб за границу поехать?

Мама покачала головой:

– Есть возможность.

Еще вышло непонятно с моей фамилией. Со слов записана одна, в паспорте другая, и мама еще надеялась, что это анализы какого—то другого человека.

В отличие от мамы я даже не испугалась:

– Мама, – сказала я по дороге в диспансер, – у меня или гепатит, потому что он есть точно у Жени, или просто грязная кровь от наркотиков.

– А у Жени точно гепатит?

– Точно.

Вот только ждать 10 дней не было сил. Очень долго.

Дома мы все вместе решили так: позвоним Валику, дадим ему денег на анализ, пусть он сдаст. Если у него будет все нормально, значит и мне бояться нечего. Так и сделали. Не понимали, что и ему жизнь можем поломать. Хотя...

Родители у меня в два голоса спрашивали:

– А Валик когда-нибудь сдавал анализ на СПИД?

Он сдавал, когда—то. И даже справка была, что ответ отрицательный, и он ей хвастался. И близкий друг у него был, ВИЧ—инфицированный, и Валик никогда не кололся с ним одной иглой, и не давал мне.

Но было еще кое—что, на что я не обратила внимания. Валика уволили из армии, выплатив ему большую сумму денег. Как было написано в справке, – я ее читала, – за то, что Валик, короче говоря, в армии тронулся умом. Он даже лежал в дурдоме.

Валик пришел, взял деньги. Ему некуда было деваться.

Я еще три дня ходила на процедуры, ничего не ела, без ширки невозможно было спать, я худела, но через три дня почувствовала себя нормально.

Позвонила мама Валика и договорилась, что они с Валиком сейчас к нам придут.

Мы конечно же с ней начали разговор за эти анализы, а она и говорит:

– Ну даже если у них и есть СПИД, но не умрут же они завтра?

Она сказала такую вещь, которую просто не могла сказать!

Как такую дикость можно сказать? Мы ее не поняли.

Папа внес деловое предложение:

– У меня есть возможность отправить Валика в Москву работать на стройку. Если хотите, конечно.

Они хотели. Только не сегодня и не завтра.

И вообще, в отличие от меня, – я сегодня даже накрутила глаза, – Валик выглядел скверно. Было понятно, что его еще ломает.

Его мама вступилась за него:

– Ты ж видишь, Саша, что он пока не может ехать. Пускай хоть неделька пройдет...

– Какая неделька?!

Я в последний момент не закричала, но голос повысила.

– Он или завтра поедет, или никогда!

– Саша, подожди, пусть подумают, – говорит мама.

Я вскипела.

– Пусть едет завтра.

– Но Саша...

Папа перебил маму:

– Если она так настаивает, значит, она что-то знает.

Я не стала говорить вслух, а только поблагодарила про себя папу и бога, но я точно знала, что если Валик не соберет сейчас же свои вещи и не отправится в Москву, он не сделает это уже никогда.

Хотя мне это было совсем не нужно – чтоб наши знакомые в Москве увидели моего парня. Проще говоря, мне его стыдно было показывать. Но я продолжала настаивать на своем и, когда они ушли, а вечером Валик позвонил—таки и отказался от папиного предложения, я испытала и облегчение и разочарование.

У папы давно зародилась ненависть к маме Валика, а самого Валика он считал больным человеком. Мать же он считал виноватой в том, что она скрыла от моих родителей, что я наркоманка.

Но папа не был таким уж дураком, что б доверять Валику. Он позвонил в больницу и как – то узнал, что валик таки сдавал кровь на анализ. До этого он в этом очень сомневался.

Я из-за такого недоверия просто бесилась. Вроде это не Валика подозревали, а лично меня. Да еще и папа заявил:

– Я уже не удивлюсь, если откроется, что вы кого-нибудь убили и закопали в подвале.

Я же днями сидела теперь на подоконнике в Настинной комнате, откуда была видна улица со стороны Валикового дома. И ждала, что вот сейчас увижу, как Валик проходит под моим окном. Пару раз мне повезло, и я его таки видела.

Каждый день, звоня ему, я спрашивала про анализ, но ему сказали, сначала подождать до завтра, а потом еще 10 дней. А чего мы ждали? Ведь его кровь ничем не отличается от моей, и там такая же грязь и тот же гепатит.

Я еще посещала диспансер. Сегодня моя врач сказала мне, что со мной будет говорить психолог и делать это будет 10 дней.

Вот этого я никак не хотела. Ой, как мне не хотелось психолога!.. Ну что я ему буду говорить? Ей. Психологом оказалась женщина, и сразу дала мне заполнить тест. С одной стороны листка написать все хорошие ощущения от приема наркотиков, с другой стороны – все плохие.

Рассказывать что-либо о себе я не умею. Мне кажется, что вроде и нечего. Что? Вроде и то и это не важно. Да разве это кому—то нужно, кроме меня? Так что в столбике о плохом я написала только:

– Появился страх, что я могла заразиться СПИДом.

И пару слов о хорошем. Мне казалось, что нормального в приеме наркотиков ничего нет, и, поэтому, ничего хорошего ширка давать не могла.

Мне думалось, что я сделала очень умную вещь. Но врач, когда прочла мой тест была другого мнения. Она осталась не то, чтобы недовольна, она просто не поняла моего поступка.

Слава богу, на этом наше общение с ней закончилось. Хоть она и пообещала, что мы поговорим об этом завтра, если сегодня у нас ничего не получилось. А сегодня я отдохну. В конце она вообще выбила меня из колеи:

– Ну и что, что СПИД? А если результат окажется положительным, что ты тогда будешь делать? Ведь жизнь на этом не закончится.

Она так говорила, как будто допускала такую возможность. Я же такой возможности не допускала, и поэтому улыбнулась. Мы говорили на разных языках.

Мы попрощались, И я отправилась в кабинет моего лечащего врача. Я с ней общалась каждый день после процедур. Сегодня я попросила ее, чтоб она освободила меня от психолога, и она меня освободила. Мы вообще закончили посещение наркодиспансера очень быстро. Я не хотела, да и никто не хотел.

****

Мне вспомнилось, как я впервые столкнулась с понятием наркоман. Мой первый мальчик, моя первая любовь знакомил меня со своими друзьями. Их было много. Каждый день приходили все новые и новые... и вот как—то приходит один, а его так представляют:

– А с этим не дружи, он – наркоман, – и смеются.

За что его так обозвали, я тогда не поняла, но подумала, что нехорошо так обижать человека. Уже только когда я стала наркоманкой, я вспомнила того парня и поняла, что со мной никто не шутил.

До четырнадцати лет я не слышала ни одного мата. В семье у нас при детях никто не матюгался.

Сейчас же идешь по улице, видишь, навстречу идут дети из младших классов, и что они делают? Матюгаются. А про 6, 7-классников я вообще говорить не хочу. Я их просто боюсь.

Весной у Вовиноного друга был день рождения, и мы пошли праздновать его в лес. Там были мальчик – девочка, мальчик – девочка. Мальчикам – четырнадцать, пятнадцать лет, девочкам чуть меньше, и все они матюгались, девочки курили и пили спиртное.

Это была первая моя встреча с настоящим миром. Но я хорошая ученица...

Нас накрыл проливной дождь. Промокли до трусов, пока добежали до остановки. Накрывались одеялами, но те только быстро отяжелели, и их пришлось тащить.

Мне было холодно, и, чтоб согреться, мне предложили выпить впервые в жизни водки. Совсем чуть—чуть, на дне пластмассового стаканчика. Пацаны прятали от дождя свои гитары, девчонки танцевали под ливнем.

Хорошие были ребята. Время прошло и превратило нас в чужих людей. А, может это только я изменилась?

Что мне давал наркотик – спрашивала у меня врач—психолог. Вначале кайф, а потом? Со временем отношение к наркотику менялось. Появлялись все новые и новые достоинства. У меня развязывался язык, терялась моя скованность, пропадал стыд. А как приятно было, когда перед глазами начинали плыть глюки... А как приятно было проваливаться в наркотический сон... после которого утром я чувствовала себя зомби.

Позже эти качества переплелись с недостатками: я очень легко выходила из себя, часто плакала. Хотя приятно было прийти ночью домой, где всегда был кофе и сигареты, которые мама мне не давала вынести из дома. Я наливала себе кофе и курила... курила... пока не заканчивались сигареты.

Утром же в глаза требовалось вставляя спички. Потом, вместо занятий в институте, я шла к Валику и полдня спала.

Я все время проводила у него дома. Сначала варили ширку, потом выветривали кухню, жаря на сковородке то хлеб, то еще что-нибудь. Потом мы только и делали, что ругались. Его соседи называли меня «эта сумасшедшая».

Два раза я уходила из дома. На две ночи.

Первый раз я вернулась тогда еще из школы, и перед курсами в институте легла поспать. Мама заставила меня встать и делать уроки. Сказала:

– Или делай уроки, или уходи из дома.

Мы до этого с ней поссорились.

Двое суток я где—то прошлялась, а потом не осталось сил, И я таки вернулась.

И чем я думала? Мне показалось после первого укола, что весь мир просто чего-то недопонимает. Ну почему мир считает, что нельзя колоться?

Иногда можно. Раз в недельку. А что тут такого? Мир просто боится и лишает себя многого, ведь это такой кайф. Ведь пьют же люди водку по праздникам, и ничего.

В голове все перевернулось после первого укола. Все встало с ног на голову.

Я только слышала, что чтобы очиститься от наркотиков, организму потребуется целых три года. И зачем мне нужно было это знание?..

Да, три года – это очень долго, но я ведь знала, что однажды я выйду замуж, рожу ребенка, а наркотики... это так, детское баловство.

Когда я залезла в систему, забросила институт, вела себя прескверно дома и мне каждый день становилось тяжелее жить... закрадывалась мысль, что хорошо бы родители узнали, почему я стала такая. Чтоб перестали меня ненавидеть, чтоб поняли, почему я прогуливаю учебу...

Позже папа скажет, что я такая не потому, что я наркоманка. А я наркоманка потому, что я такая.

На самом деле я этого не хотела, чтоб все выплыло наружу.

Валик, когда нам разрешили опять встречаться, меня обвинил:

– Я знаю, ты когда-то говорила, что хочешь, чтоб твои родители узнали, что ты наркоманка... это ты специально... все им рассказала.

В тот момент я его возненавидела. Мы ругались, и я хотела сбить его с ног и пинать его лежащего ногами.

На самом деле он это со злости, и потому, что ему всегда удавалось сделать меня во всем виноватой.

...Что мне давал наркотик? А разве он может что-то давать, кроме болячек? Он поломал мне психику и отобрал жизнь!

Хотя прав папа, психика у меня уже была поломана до того. Иначе я б не влезла во все это дерьмо.

Анализы

Любовь – это зависимость. А я от Валика более чем зависела. Но такая любовь только оставила после себя неверные понятия о себе. Я, например, глубоко убеждена, что счастье – не когда любишь, а когда разлюбишь. Ведь любовь – это слезы и муки души. Мне любовь не давала радости, похожей на радость от наркотика, а вот ломало меня, когда я осталась одна, без любви, не меньше, чем если бы я осталась без дозы.

Через неделю зазвонил телефон. Трубку взял папа, переменялся в лице и, быстро жестикулируя руками, позвал меня. Меня попросили к телефону, назвав правильное имя и неверное отчество. То, которое папа продиктовал в больнице. С этим отчеством они так и не разобрались. Было понятно, откуда звонят.

Я взяла трубку. У нас радиотелефон.

Папа стоял передо мной, мама сидела слева на диване, я сидела в кресле. Родители хотели, чтобы я их успокоила. Когда меня попросили прийти по такому—то адресу, я заволновалась. Результат анализа умалчивался, и я спросила у разговаривающей со мной женщины:

– Скажите, пожалуйста, – я тараторила, – какой результат? Вы же понимаете, как ждать...

– Плохие анализы.

В общем, я вдруг все поняла. Поняла, что как раз-таки я не могла не заразиться. Что 99,9% – это касается и меня. Что пришел мой конец. Никто мне не мог помочь, а я не могла помочь в этот момент моим родителям. Я была сейчас одна. Ничего не видя, я старалась услышать, что мне говорят на другом конце провода, где—то взяла ручку и записала адрес, который мне диктовал голос.

– А мне самой прийти, или можно с мамой?

– Можно, если она в курсе...

– До свидания.

Положила трубку. И сказала вслух:

– Плохие анализы.

Хотя это еще для нас был не конец. Или да, конец. Но мы начали искать другие варианты: может это гепатит?

Папа умом все понимал и раньше, но верить не хотел.

Этого не могло быть. Только не со мной. Ведь мне всего-то 17 лет. Да я и не кололась-то по-настоящему. Да какая разница! Кололась! Но нет, этого не может быть. Это гепатит. Точно, это не СПИД, это что-то менее ужасное. Ведь, если... То что, с крыши головой вниз, как клялась бывшая подружка Валика? Она сказала, что если у нее найдут однажды СПИД, то она поднимется на крышу самого высокого дома и прыгнет вниз.

А что же мне делать? что мне сейчас делать? как избежать своей судьбы?

Мы пришли. Зашли в здание, подошли к кабинету.

– Я вас здесь подожду, – сказал папа.

И остался за дверью.

Я с мамой зашла внутрь. Женщина, что разговаривала со мной по телефону, сказала мило:

– Здравствуйте. Проходите, садитесь.

Здесь стояли стулья.

Мама еще надеялась, но женщина выложила правду. Уничтожающую:

– У вашей девочки обнаружены антитела к вирусу СПИДа.

Замолчала. Все равно ей это приходилось делать не часто. Все – таки городок маленький, да и анализ сдает только каждый десятый. Поэтому она нам сочувствовала.

Мама остолбенела. Это было видно по ее большим глазам. Она сразу начала искать выход из этой ситуации:

– И что нам теперь делать?

– Ждать. Все—таки на дворе двадцатый век, должны ведь придумать лекарство.

Мой мозг ее слов не воспринимал, не верилось ни в какое лекарство и в то, что мы егождемся.

Она нам выписала направление в нужный нам кабинет в больнице, где мне должны были выдать справку со словом «положительно».

Папа ничего не сказал, когда узнал. Все и так было понятно.

Все. Жизнь перевернулась. В раз. Или нет, не в раз. Я ее переворачивала 3 года, пока кололась. С 15 лет.

Конечно, я не думала, что я умру. А кто думает? Но и о том, что выживу, я тоже уже не думала.

Назад домой мы шли не по дороге, а через аллею, которая проходила вдоль половины города. Молчали, было холодно, мороз – 17 градусов. Следующая папина фраза предсказуема:

– Что б я имени Валик больше не слышал, – и он сцепил зубы.

А мне хоть плачь...

А в общем, какая теперь разница? Папа еще подумает и передумает. Ведь, кроме Валика у меня теперь во всем мире никого нет. Неужели же папа меня не пожалеет?

Дома достали из бара бутылку водки и сели на кухне за стол. Не выпить сейчас было нельзя. И мы выпили. После чего начали что-то чувствовать.

Мама боялась, чтобы я не ушла в себя. Она плакала и говорила, что она все понимает. Но и я должна понять, что умирать самому не так, как когда умирает твой ребенок.

Я попросила не говорить сестре. Но когда она пришла домой, мы все, конечно, были невменяемы, и она спросила:

– Что случилось?

Мама ответила:

– У Саши СПИД.

И выглядело это как-то по-киношному. Вся драматичность сложившейся ситуации.

Я вообще не понимаю, что обо мне думает моя сестра. Как она живет с такой сестрой, как я? В каком свете она меня представляет? И вообще, кто она – моя сестра? Как ей живется в ее шкуре?

Почему я – это я, а не, например, она?

Идиотские вопросы. На них никто и никогда не станет искать ответы, а мне интересно.

Утром папа принес мне трубку и сказал, извиняюще улыбаясь:

– Позвони Валику. Только, слышишь, Саша, не говори ему о том, что у тебя СПИД. Пусть он сначала сам скажет какой у него анализ. Может, у него еще ничего и нет. А ты как?

– Все болит.

Папа засмеялся:

– Вот так оно – пить водку.

Я поговорила с Валиком, ничего ему об анализе пока не сказав. Но меня тянуло сказать. А еще меня переполняли чувства. И я написала ему письмо. О том, что люблю, о том, как нам хорошо вместе, о том, что у меня СПИД! Мне повезло, и вечером ко мне зашла Даша. Я, тайком от родителей, сунула ей письмо и попросила передать Валику.

Все, дело было сделано.

Хорошо, что следующие дни к нам приходили гости. Маме трудно улыбаться, а всем надо. Зато мне хорошо. Мне бы шуму побольше и, чтоб напиться. Хоть и в боку постоянно болит... Кроме СПИДа, у меня еще и камни в желчном пузыре, и печень, как у 40 лет пьющего алкоголика. Так мне сказали на УЗИ.

На следующий день к нам пришла тетя Аня. Ее муж работает вместе с моим отцом.

У меня же вид худой и больной. Мама рассказала байку о том, что у меня оказалась больная печень, и я вот сижу дома, закрывшись от всего мира, и лечусь. А в общем, какая кому была разница? Ведь теперь весь мир нас не мог понять. Теперь весь мир ничего не знает, и далеко отстал от действительности.

Тетя Аня сокрушалась:

– Бедные дети. Вон у Надьки то же самое с дочкой. Печень. Закрылись от всего мира в ее комнате и лечатся.

Вот это сюрприз. Эта девочка на три года старше меня, и мы когда—то отдыхали вместе на море. Я знала ее, а она знала меня.

Настоящая жизнь всегда закручивает так, что писатель и не придумал бы.

Нам с Валиком разрешили встречаться через две недели. Сначала час, потом полтора...

А мне этого времени так не хватало! Может, я любила Валика? Сейчас уже и не поймешь. Мне не нужен был никто другой.

Через некоторое время я начала немного толстеть, и я даже побаивалась, как бы не растолстеть совсем. У меня к этому склонность, И я, когда кололась, всегда думала, что этот укол сожжет мои калории, и разрешала себе съесть лишнего.

Валик, на очередной прогулке в аллее, сказал:

– Когда я увидел тебя первый раз после ломки, ты так похудела, что я решил – все, у тебя действительно СПИД.

А СПИД у меня, как выяснилось и у него тоже, был не действительно. У нас пока что ВИЧ. И, хотя раньше я думала, что это две разные вещи, что от первого умирают, а от второго нет, а теперь я знала, что это все одна болезнь, все – равно умереть я должна была еще не сегодня и не завтра. У здорового человека иммунитет 900, при ВИЧ норма 500, а СПИД считается, это, когда иммунитет ниже 200.

Через несколько дней мы с мамой стали ходить в институт, сдавать зимнюю сессию. Кое—что я таки сдала, кое—что еще осталось сдать.

У меня сейчас была одна большая проблема – сильно болело в боку. И я ходила, держась за бок.

Пока я кололась, только начиналась ломка, я не могла сдвинуться с места. Теперь же приходилось пересиливать себя.

Тяжело было мне, а маме тяжело было со мной.

Когда я начала опять колоться, было жалко этого времени, когда я так мучалась...

Глава 6

День Влюбленных

Подходило 14 февраля. День влюбленных. И я его очень ждала, чтоб выйти, наконец, вечером, и праздновать, праздновать, праздновать до ночи.

И я отпраздновала.

Все наши друзья собрались возле магазина, который находился в 20 метрах от моего дома. Не было только Валика. Он опаздывал на 10 минут. Это было в его привычке. Потом он опаздывал на полчаса, потом еще и еще. Никто не суетился, как будто все понимали, почему ждут. А я не понимала.

Среди наших друзей были не только наркоманы, но, как на дурочку, на меня посмотрел наркоман. Мол, чего тут не понять?

Я вопросительно на него посмотрела, а он мне ответил:

– Ну что я могу тебе сказать?

Валик задерживался потому, что варил. А это дело такое. Он сильно не успевал ко мне на встречу, да еще и в такой день, но ничего не мог поделать. Главное будет – перед тем, как

посмотреть в мои глаза, закапать каплями свои, чтоб расширились зрачки. А то, если зрачки в темноте из—за ширки будут в точку, я конечно же пойму, что он – таки не спрыгнул, а продолжает колотиться.

Я потянула Олега за руку, и мы зашли в магазин. Сели за столик и стали выяснять отношения. Олег не отрицал, но и не подтверждал, что Валик колется, и за это я решила его наказать. Я рассказала ему о том, что у нас у всех СПИД.

Если он и испугался, то не подал вида.

Так получилось, что на вечер моим парнем стал Олег, а не Валик, потому, что когда Валик пришел, его зрачки еще не успели расшириться. Он торопился. И я врезала ему еще пощёчину. Дальше я кричала, а он все отрицал. Он орал мне в ответ, что я ненормальная, с чего я все это выдумала? Идиотка и дура. За что я так с ним?

«Папу по лицу»...

далеко идти не было настроения. Мне его испортил Валик, я – всем остальным. Поэтому мы купили водки и отправились в пустой подъезд.

Валик играл свою роль дальше. Он подошел к Даше и спросил у нее:

– Даша, посмотри, какие у меня зрачки?!

– Большие, – согласилась она.

– Ну, так чего она...

Теперь зрачки и вправду были большие. А так, как Валик был неповторимо правдоподобен, я на секунду засомневалась. Но что-то меня, все равно несло дальше, и я не могла остановиться.

Я глотнула спиртного, взяла Олега за руку и увела из этого подъезда. Я больше не могла находиться рядом с тем, кто так грубо меня обзывал.

День влюбленных...

Мы шли, шли, просто шли, и я попросила:

– Пожалуйста, расскажи мне правду.

И он мне рассказал:

– Он не переставал «двигаться». Это ж Валик! Да, он тебя все время обманывал. Я не понимаю, как ты могла ему верить?

– У меня есть деньги, ты не знаешь где сейчас можно купить ширки?

– Зачем тебе это?

– Не только мне, и тебе. Хочу.

Далеко идти не пришлось. В моем доме, в соседнем с моим подъездом подъезде можно было купить наркотик. И Олег купил. Я его подождала на пол пролета ниже, а вмазываться мы отправились к нему домой, в следующий подъезд.

Между прочим, я с этим Олегом встречалась недолго до того, как познакомилась ближе с Валиком.

Я поплакалась ему в жилетку, а потом приняла решение. Пойти к Валику домой и рассказать его маме о том, что ее сын – урод. Кстати, пусть она его закроет дома и подлечит. Ему не повредит.

Я сказала о своем желании Олегу, и тот стал тянуть меня в другую сторону и отговаривать. Когда это не получилось, он сказал:

– Какой я дурак, что тебе это рассказал! Я с тобой не пойду, – и он ушел в другую сторону перед самой дверью в подъезд Валика. Я же приехала на лифте на его этаж, позвонила в его дверь, и, когда его мама мне открыла, я на одном дыхании все высказала. Вроде я пеклась о Валиковом здоровье. И обвинила его мать в том, что она такое допустила.

Все. Я дело сделала, а она мне ответила, что вроде я и сама не знаю Валика.

В общем, я еще больше поразились, а она – как ни в чем не бывало.

Этот обман стал первым в моей жизни. Никто и никогда еще не поступал со мной, как Валик. Я, наверно, в этот день влюбленных сошла с ума, и перестала быть наивной дурочкой. Навсегда. На сегодня, но не на завтра, когда я не смогла пойти в институт, а позвонила Валику и спросила, как он мог? Он попросил меня зайти к Олегу домой, и мы там все вместе эту ситуацию обсудим.

Я была словно на автопилоте. Я чувствовала себя даже хуже, чем тогда, когда узнала, что у меня СПИД.

Вот, что Валик первым делом мне сказал:

– Саша, Олег тебе вчера сказал неправду.

У меня, у дуры, отлегло от сердца.

– Зачем?

Мы сидели на кухне, я сидела на табуретке, как бедный родственник. Я знаю, почему я ему поверила. Потому, что Олег вчера испугался и не захотел идти к маме Валика. Значит, Олег врал, зачем – то.

– Олег, это так?

Он непонятно пожал плечами. Но ничего не сказал. Как будто Валик здесь был сам по себе, а Олег сам по себе.

– Кому из вас мне верить?

Олег ответил:

– Кого ты любишь, тому и верь.

То есть, я должна была поверить Валику. О, радость! Конец света меня еще не затронул. И даже можно дальше жить.

Однажды я у Валика спросила:

– Зачем Олег так поступил?

И Валик мне сказал:

– Потому что он любит тебя.

А что еще ему было говорить?

Так и пошло по кругу. Мы кололись, потом бросали, потом я узнавала, что Валик так и обманывает меня, я рыдала, и мы начинали колотиться вместе.

Конец света давно наступил, но я продолжала существовать.

Сначала родители знали о наших встречах, но время шло, и мы стала от родителей скрываться, потому что они встречаться нам запретили.

Когда дома начался ад, я взяла кое – какие вещи и ушла из дома. Хорошо, было лето и ночевать можно было под небом. В первый день мы с Валиком обкололись, потом первый день плавно перешел во второй, и мы обкололись так, что у меня поехала крыша. Уже ночью мы с ним продвигались к речке, когда я очнулась от собственного крика и поняла, что только что видела вокруг себя змей, а потом словно упала – потому, что шла по мосту, а упала в реку. Оказалось, что все это лишь галлюцинации. Я словно сошла с ума. Валик сначала отнесся к моему состоянию терпеливо, и даже пытался успокоить, что все нормально. Но я продолжала теряться, а потом кричать, вдруг просыпаясь. Я так испугалась... а кто бы не испугался, поняв, что это уже все, предел, за которым... никто не знает – что там. Потом Валик начал на меня кричать, что б я не сходила с ума. Наконец мы пришли на речку, он пошел в лес за ветками, что б разжечь костер. Я опять провалилась в пропасть. Я знала, что схожу с ума, и ничего не могла с этим поделать. Я начала громко звать Валика, но он уже понял, что с меня никакого толку, и просто не реагировал. Я сама была виновата в том, что мы потом поругались. Но я просто не могла взять себя в руки, и в этом я была сама виновата. Я вторые сутки не спала, а только кололась снова и снова. Когда наступило утро, и начали приходить люди на пляж, мы собрались и пошли домой. В нашем дворе я поняла, что меня ищут, и стала прятаться. Валику я надоела, и он послал меня на три буквы. Я сидела в подъезде, резала себе лезвием

руки и ревела, как вдруг увидела свою сестру. Она подошла, взяла меня за окровавленные руки и потянула домой. Я против нее была слаба и не могла сопротивляться. Дома никто на меня не кричал и не ругал меня. Я была в таком возбужденном состоянии, что и спать не могла. Мама дала мне две таблетки amitriptilina...

Потом Валик признал себя настоящим наркоманом и перестал меня щадить. То есть перестал обманывать и скрываться. Я же перестала его казнить, и мы постепенно стали независимыми друг от друга людьми.

В конце февраля в газете «Комсомольская правда» напечатали первую статью об арменикуме – армянском лекарстве от СПИДа.

Глава 7

Жить дальше и лечиться – лечиться и жить дальше

У мамы появилась надежда, у папы какая – то далекая цель отправить меня лечиться в Ереван, и с тем очередная проблема как это сделать? У меня в душе что – то шевельнулось, но веры в этот арменикум я в себе не обнаруживала.

У мамы было только одно желание – вылечить меня от СПИДа. У папы было пока другое желание – вылечить меня от наркотиков. Он говорил, что я живу в замкнутом круге: от СПИДа не вылечиться, пока не завяжешь с наркотиками, а с наркотиками не завязать, пока у тебя СПИД.

Папа не имел понятия как, но знал, что надо лечить меня от наркотиков. Поэтому он позвонил в какую – то дорогую клинику в Киеве и поговорил с врачом. Тот предложил ему лечение, которое мы уже проходили. Папа сказал ему, что может и без больницы так вылечить меня. Причем дешевле и быстрее. На трамадоле. Папа сказал, что это уже не первый, и не второй раз. И тогда врач сказал, что единственный способ – это увезти меня жить куда – то далеко – далеко... папа его поблагодарил за откровенность и понял, что это единственный способ. Вот только пока он этого сделать не мог.

Пришло лето, и меня отправили просто в село к бабушке.

Но перед этим...

Мы с Валиком подали заявление в ЗАГС. По-другому, я никуда ехать не соглашалась.

Деньги нам родители давать отказались, и мы должны были, если этого действительно хотим, найти деньги, что б заплатить в кассу, сами. Деньги мы взяли в долг у мамы Олега. В ЗАГСе же столкнулись с другом Валика, который пришел сюда со своей невестой, и стали вчетвером заполнять бланки. Была пятница, и касса уже оказалась закрыта, поэтому деньги остались при нас. Заплатить можно было после выходных, а я уезжала сегодня вечером.

После этого мы попрощались, и следующий несколько недель я с мамой жила у бабушки.

А папа в это время носился по Киеву по разным министерствам, где добивался, что б меня вписали в группу людей, которые должны были ехать в Ереван для испытания арменикума. Надо было только ждать, потому, что меня таки вписали.

Но, когда мы так ничего и не дождались, папа позвонил лично Геворкяну Левон Артемовичу и упросил того принять меня.

Л. А. – это тот, кто нашел арменикум.

Нам в село папа позвонил как-то неожиданно, неправдоподобно. И сказал собирать, потому, что завтра или послезавтра надо было лететь в Ереван.

Уже дома я спросила, а как же быть с Валиком? Его не примут на лечение? Папа ответил: – Понятно, что тебе нет смысла лечиться одной. Поэтому, сначала, мы решим все с тобой, а потом ты там договоришься и о Валике.

Когда мы завтра были в аэропорту, мы еще почти ничего не знали. Папа продал микроавтобус за пять тысяч долларов. Но этого было слишком мало для того, что Л. А. взял меня, в качестве подопытного кролика в свою больницу.

На что мы надеялись? На бога.

Перед полетом в Ереван меня чуть ли не трясло, поэтому я выпила две таблетки амитриптилина, что б в самолете уснуть. В детстве мы с сестрой и мамой каждое лето летали на самолете к маминым родственникам в Россию, и меня сильно тошнило всегда.

В самолете, перед взлетом стюардесса прошла мимо пассажиров, предлагая им бумажные пакеты. Я взяла один себе. Самолет проехал медленно несколько метров, вышел на взлетную полосу и поехал очень быстро. Самолет набрал высоту, выровнялся, и я поняла, что это даже приятно. После съеденного обеда я уснула, вытянув на пустое кресло, стоящее между мной и мамой, ноги. Самолет был полупустой.

В Ереване мы сели в такси, водитель которого с нас стянул 20 тысяч драм. А красная цена дороги от аэропорта до нашей гостиницы была пять тысяч драм.

В двухместном гостиничном номере стояла невыносимая жара, но окна были закрыты, потому, что на улице буйствовал ураган. Город выглядел серым, а вид из гостиницы и вовсе приводил в уныние. Какие – то тусклые дома, пустые улицы... словно, только что после войны.

Утром во вторник мы вышли с мамой из гостиницы и направились в стороны телефона – автомата, что бы позвонить в офис Геворкяну. Мама договорилась о встрече.

Мы не знали улиц, не знали, в какую сторону идти, был только адрес офиса, и мы остановили такси.

Над дверью офиса было яркими большими буквами написано АРМЕНИКУМ.

В конце коридора надо было пройти налево. Там находилась секретарша, которая попросила сесть нас на стулья, а сама ушла сказать Л.А. о том, что мы пришли.

– Проходите.

Его кабинет от этой комнаты отделяли две толстые двери.

– Здравствуйте, – мы вошли.

Геворкян был невысоким мужчиной лет пятидесяти. Взгляд черный и страшноватый. Хорошо хоть русский язык здесь почти все знают. Даже названия улиц написаны по-русски.

Многие люди, которые знают этого человека, – врачи, медсестры, – потом скажут о нем, что он очень, очень хороший. Наверно так оно и есть. Хотя у этого человека были и свои отклонения.

Мы с мамой не знали, останемся здесь или нет. Все зависело сейчас от того, какое я впечатление произведу на него. То есть всецело от него. Он попросил маму выйти и стал расспрашивать меня:

– Как ты заразилась?

– Через иглу.

– Сколько времени назад?

– Я точно не знаю, но узнали мы об этом почти год назад.

– Сколько уже не употребляешь наркотики?

– Два месяца.

– Понятно.

Ему было понятно, что фраза «завязала с наркотиками» здесь не уместна.

– Парень у тебя есть?

– Да, – сказала я.

Хотя смутно догадалась, что о Валике надо замолчать и надолго. Не из—за этого врача, хоть он и не врач был вовсе, он просто создал арменикум. (С ним работал его ближайший друг, но того застрелят позже в здании парламента, вместе еще с семью другими.)

Валик из моей жизни терялся.

Но я была с характером, причем с плохим характером.

Я просто не представляла себе, что останусь одна, и мной двигала надежда, что как-нибудь, когда-нибудь мы еще будем вместе. Не смотря на то, что уже два месяца не виделись. И свадьба наша должна быть со дня на день...

– Но ты же понимаешь, что больше с ним тебе встречаться нельзя. Я промолчала.

– Дай, я тебя осмотрю.

Я ж говорю, человек со странностями. На кой черт ему меня осматривать, если он даже не врач?

Потом он попросил:

– Позови мне мать, а сама подожди за дверью.

Мамы долго не было, а вернулась она вся в слезах.

– Ну что, мам?

– все хорошо, пошли.

– Куда?

– Вот, тут адрес, надо ехать туда, а потом в больницу.

Я обрадовалась и удивилась.

– Значит, он меня принял? А деньги? Он же просил двадцать тысяч?

Но говорили же люди, что он хороший человек. Забирал у людей столько, сколько у тех было.

– Он согласился и за ту сумму, что у нас есть. Я пока отдала ему 4 тысячи, потом нужно будет привезти еще тысячу. Но ты должна знать, что согласился он, после того, как я его на коленях умоляла и криком упрасивала. Нет, говорит, и все! Езжайте обратно домой... Слышишь, Саша, о Валике ты должна забыть.

Хоть это было маме на руку.

– Почему? – Валяла я дурочку.

– Да потому, что не соглашался он ни в какую, когда услышал, что у тебя есть парень! Он же не идиот. Ну, вылечит он тебя сейчас, а ты вернешься к нему, и что?! Он прекрасно знает, что такое наркоманская любовь. И что колоться ты не перестанешь, если будешь с ним, он тоже понимает.

Он понимал другое. Что мне – молоденькой девчонке среди одних молодых наркоманов лучше бы не быть. По его меркам я была слишком красивой...

В принципе он был ведь прав.

Каюсь, я повела себя, как дрянь. Я заплакала и попросила маму взять билет обратно:

– Я не буду лечиться без него. Я все – равно буду с ним. Нет смысла.

– Подожди! Пройдет время. Если Геворкян увидит, что ты нормальный человек и что с тобой можно иметь дело, тогда и поговоришь с ним о Валике, может он и согласится.

Очень хотелось курить.

– Мама, купи, мне сигарет.

– Но ты уже неделю не куришь.

– Мама!

– Ну послушай...

– Выкурю одну сигарету. В больнице у меня все – равно не будет возможности.

– Да.

Не поверила мама.

Я даже не задумывалась, а знала, что в палатах лежат взрослые мужчины и женщины... у них у всех такая страшная беда, и они ни с кем не общаются. Ничего худшего я себе и не представляла, но и не подозревала, как оно будет.

Я не верила, что там с кем-нибудь подружусь, и думала, что покурить мне просто будет не с кем.

Мама купила сигареты.

В другом здании у меня взяли из вены кровь на анализ, потом, когда нас попросили подождать, я потянула маму на улицу, что б покурить. А через 30 секунд за мной почти выбежал молодой парень. Он что, испугался, что я куда-нибудь денусь?

– Тебе что, плохо стало?

Ого, волнуется...

– Нет.

И мы пошли обратно.

Мне выдали составленную справку о том, что я являюсь пациенткой клиники Геворкяна.

Глава 8

Армения, арменикум

Геворкян просто забыл о нашем долге в тысячу долларов. И мы были не одни такие. Конечно, как и все армяне, он пытался из каждого выжать все до копейки, – если у вас есть 20 тыс., он брал 20 тыс. если же нет ничего, он забывал о деньгах, говоря: потом.

Мне повезло. Мы ведь могли приехать немного позже и уехать ни с чем, потому, что все группы были бы уже заняты.

Пусть, мы гршили,
Но где сейчас святых найти?
И гршники ж решили,
Что поздно нас уже спасти.

Пусть, мы плохие,
Хорошими нам трудно быть.
Но нам сказали: – «Вы чужие»,
И рядом с нами вам не жить.

Пусть, мы другие,
Но нам, как всем дано любить.
Душой теперь мы не такие,
Узнавши то, что не забыть.

Место, где лечили арменикумом, находилось на улице Муроцяна, в здании детской больницы. ВИЧ – инфицированным был выделен четвертый этаж, а гепатитникам первый. Верхняя часть дверей была стеклянной, но покрашенной голубой краской. Незакрашенным оставили «глазок». А рядом с дверью был звонок. Мы позвонили. Дверь открыл охранник. Взял мое направление и через минуту вернулся с врачом.

Перед моими глазами стоял телевизор. Перед ним были диваны, кресла и стулья, на которых сидели парни.

Смотрели в мою сторону. Было шумно. Доктор что-то говорил маме. К нам приблизились двое ребят, которые собирались выйти в город. Они ждали охранника, что б тот открыл им дверь.

– Привет, как тебя зовут?

Я ответила. Они представились Денисом и Димой.

– Ты ложишься?

– Да.

Широко улыбаясь, они выкладывали информацию. Мама задала единственный вопрос, что ее интересовало:

– Как? Помогает?

Денис расплылся в улыбке и быстро ответил, даже не задумываясь:

– Да! Помогает. Я уже после первого курса лечения получил отрицательный результат. Вот завтра лечу домой. Через три недели – опять сюда!

И так всего нужно было пройти четыре курса лечения. Что б раз слетать туда – обратно нужно 400 долларов. И так четыре раза... это, если летает один человек. И тут становится и дураку понятно, что мама со мной больше путешествовать не будет. Мне эта мысль понравилась.

Денис сказал:

– Не бойся, вылечат.

И я как – то сразу и всепоглощающе ему поверила.

– Еще увидимся, – сказал Денис, и они вышли в дверь.

Охранник указал пальцем на мою палату. Я там была одна. Мама ушла за моими вещами в гостиницу. Не зная, что делать, я открыла окно и закурила сигарету, стараясь дышать только в окно.

Открылась дверь, шум стал еще громче, и в комнату зашли несколько человек. Молодые парни начали представляться, все были с сигаретами, и я перестала дышать в окно. Имен я, конечно, не уловила, так нервничала, а вот вопросы их я уже знала назубок:

– Сколько тебе лет?

– Как заразилась?

– А парень у тебя есть?

– Ты с ним приехала, или сама?

– А почему без него? Зачем?

Я ответила, что у него нет денег.

– Ну, ладно, мы еще зайдем.

Вернулась моя мама с пакетом вещей. Охранники проверили, что внутри, а врачи забрали все таблетки, которые я принимала уже два месяца, в смысле, лечилась ими от наркотической зависимости. Снотворные они забрали тоже. Нельзя было оставить даже анальгин.

Я переделалась из длинной юбки и черной футболки в короткий сарафан, красного цвета. Мама сказала, что Денис приятный парень, – они ехали сюда в одном такси. И ушла.

Зашел Денис.

– Ты одна?

Я кивнула. Повернулась к окну и выбросила сигарету.

– А ты как заразился?

– Так же, как и ты! Здесь все наркоманы. Ну, еще рядом с твоей палатой лежат, эти, «девочки». Не поняла? Мальчики – девочки. Ты видишь, на что ты смотришь?

– Нет.

– Да ты же в упор на нее смотришь!

Я видела только облака.

– Ну, посмотри, это же Арарат...

да, там росли горы, укрытые туманом.

Он отошел и улегся на свободную кровать. Затянулся сигаретным дымом и сбросил пепел на пол.

Все, что он делал, мне очень нравилось.

– Почему ты сидишь тут и не выходишь из палаты?

– Не люблю незнакомых людей.

– Так, может, ты и меня не любишь? Мне уйти?

И этот красивый мальчик с меня ростом серьезно собрался уйти.

Я его остановила, поняв, что сказала что – то не так.

– Да нет, с тобой – то мы ужу знакомы.

Да... курить я тут не брошу. Придется этим еще обрадовать и маму.

– Да ты не бойся. У нас тут и дискотека есть.

Он встал, сказал, что скоро вернется, и ушел.

А я подумала, неужели у них тут и бар – ресторан имеется?

Пока его не было, в палате побывало еще несколько человек, имен которых я не уловила, и которые задали мне все те же вопросы.

Не так я себе представляла это место. Не было никаких мужчин и женщин. Были молодые люди на год – два старше меня. Ну, на пять лет.

теперь я знакомилась с худым симпатичным девятнадцатилетним Сережей. Потом грянула музыка, и зашел Денис:

– Вот, пацаны включили специально для тебя.

Для меня пел Рикки Мартин:

«Ливин, ла вида ло – ка!!!»

– Пойдем, обедать зовут в столовую.

Я сильно нервничала, и есть не смогла б, но надо было идти с Денисом.

Мы зашли в открытую дверь, за которой возле левой стены находился длинный стол и стулья по обе стороны от него, на которых уже обедали больные. Места были только в торце стола и одно рядом с боку. Справа от двери было место поваров – двух женщин – армянок, которые подавали в поданные тарелки еду. Там же и готовили. Причем еда была не однообразная. Кому, что было по вкусу, тот то и брал. В любой момент чай, кофе, яблоки, груши, рядом пакеты с «джермуком».

Я ковырялась вилкой в еде. Кто – то меня спросил:

– Ты откуда?

– С Украины.

– А я живу за 10000 км отсюда.

– И каждый раз летаешь туда – сюда?

– Да я, как и ты, первый раз здесь! Еще будем думать.

Он был армянином. Он как – то так со мной разговаривал, что мне понравилось, что все 4 курса мы пройдем с ним вместе.

Наверно он был слишком веселый...

Он стал для меня тем, ради которого стоило идти в столовую, сидеть перед телевизором и т. д., и т. п.

Про него я читала где – то в какой – то книге: трехдневная щетина, смуглая кожа и низкий – низкий голос.

– Если не хочешь есть, не ешь.

Я взглянула на Дениса:

– А куда это деть?

Он печально покачал головой. Решил, что чем объяснять, быстрее самому забрать у меня тарелку и отнести к мойке. Когда он встал из-за стола, весь стол весело и громко поддержал его желание мне помочь.

Я знакомилась с больничной жизнью. Хлопцы, которые выпрашивают у охранников разрешение пойти погулять; охранники, которые ходят с пистолетами; непрекращающаяся трель дверного звонка...

Жаль было, что Денис завтра улетает домой. Без него я никого не знала.

Когда зашел разговор об арменикуме, он меня начал пугать:

– Капельницы ставят в понедельник, среду и пятницу. Через час после капельницы тебя будет трясти, поднимется высокая температура, что и будет продолжаться до вечера.

– А так у всех?

– Почти. Лекарство темно синего цвета.

Кроме того, сразу сжигает вену, и процесс этот очень болючий. Зато лекарство действует. Одного больного на носилках принесли, последняя стадия СПИДа. Так после первой капельницы встал и прошел расстояние от кровати до кровати.

Лекарство это сильно поднимало иммунитет, но хорошее это или плохо, это еще вопрос. Но ведь стало же хорошее тому парню на носилках? И интервью он потом в Москве много раз давал, отнюдь не на носилках!

Глава 9

Колесников и его друзья, или первый день в больнице

– Знаешь, кто здесь сейчас лежит?

– Кто?

– Колесников с Мариной.

У меня челюсть отвисла. Столько в газете писали о Колесникове, печатали фотографии, следили за его лечением арменикумом! Но встретиться с ним...

Я и не представляла себе.

Тут же в дверь вошел Колесников.

– Вот он.

Ожившая легенда. Я сейчас познакомлюсь со знаменитостью.

Колесников, улыбаясь, сел на кровать. Он почти ничего не спрашивал, просто был здесь, такой же, как и я.

Теперь в комнату вошла Марина, его девушка, с бутылкой джермука в руке, она спросила, как меня зовут.

По тем фотографиям, что печатались в газете, Марину узнать было невозможно. Здесь она села на диету и сильно похудела. И СПИД тут не при чем. Да и перед фотоаппаратом она всегда старалась отвернуться.

А Коля был спокоен. Он даже здесь днями мог сидеть перед телевизором, и ему такая жизнь нравилась. Не вел он себя как наркоман, хотя таковым и был.

Вот Марине не повезло. И наркоманкой не была... Как им позволили дальше быть вместе?

Это мне еще предстояло узнать.

Вскоре мы остались одни с Колесниковым и Мариной. Не хочу рассказывать подробно об их жизни, о которой я от них узнала, но вкратце опишу некоторые события. Вначале было известно только о Колиной болезни. В России результаты анализов Марины были отрицательными. Три раза она сдавала кровь

Родители же ее о том, что у Коли СПИД, узнали из статьи в газете «Комсомольская правда». Марина с Колей сбежала из дома.

Потом журналисты попросили у них фотографию. Сказали, что передадут его в Ереван, что б их там, встречая, смогли узнать. Завтра же это фото было в газете.

Коля, как увидел, взял газету, натянул по брови шапку, – хорошо, что была зима, – обмотался шарфом, что б на улице не узнавали, и пошел к Марине.

Он пришел, бросил ей на стол газету, и Марина зашлась в истерике.

В общем Колю в Ереване лечили. Потом решили пригласить и Марину, сдать на всякий случай кровь на анализ. Результат оказался положительным.

Опять же, о ее болезни ее родители узнали из газеты тоже.

На Марине были короткая майка и шорты. А в пупке серьга. Колесников на пять минут вышел.

Денис увидел:

– Дай посмотреть.

– Ну посмотри.

Колесников вернулся. Андрей кивнул на марину:

– Денис только что рассматривал ее пупок.

– Я сережку разглядывал!

Колесников не понял:

– Так у нее такая же в ухе...

Мы засмеялись. В газете часто писали, как он шутит...

Я и Марина выходили из столовой, когда в больницу поступила новая девочка.

– На больную СПИДом она не похожа, – озвучила я нашу общую мысль.

Просто она была полной. Девочку положили в мою палату, и Марина меня позвала:

– Ну что, идем знакомиться?

Я не люблю незнакомых людей. Наверно, я какая – то не такая, как все. Как, например Колесникова Марина. И это надо скрыть.

– Идем, – бодро сказала я.

когда мы вошли в палату, новенькая обернулась. Она стояла у окна, и на ее глазах были видны слезы.

Я ее понимала, но не попробовала немного успокоить, хотя я тоже чуть не плакала сразу, пока не увидела, что все здесь не так ужасно, как представлялось в первый момент.

– Как тебя зовут?

– А как ты заразилась?

– Меня изнасиловали.

Вот так. Кажется, об этой жизни уже все знаешь, а она приносит все новые и новые познания.

Ее было жаль. И то, что ей это придется произносить еще не раз, тоже было неприятно.

– Сколько тебе лет?

– Скоро будет 23.

– Ты замужем?

Все вопросы задавала Марина.

– Была.

– А что случилось?

– Я была от него беременна, но упала со ступенек и потеряла ребенка. И он мне этого не простил. Ушел и забрал с собой все, что сам же когда – то дарил.

Вот так вот. Не жизнь, а какой – то роман.

Через некоторое время в палату зашел врач и стал расспрашивать меня о том, чем я болела за свою жизнь? Этот вопрос мне задавали и раньше, но я все время путалась с ответом и не могла сразу вспомнить, чем же я таки когда-то болела. Этих болезней было очень много:

– Бронхит, воспаление легких, близорукость. Вегетососудистая дистония, грипп, аппендицит, воспаление левого яичника, камни в желчном пузыре.

Ближе к вечеру охранник крикнул мне, что бы я собиралась, меня повезут на УЗИ живота.

Я снова надела длинную юбку и черную майку. Мы спустились во двор, и пошли к Жигулям. Я села на заднее сиденье и увидела рядом с собой девчущку, которую уже видела сегодня перед кабинетом, в котором нам делали томографию головы. Она была с первого этажа.

Когда мы познакомились, я узнала, что у нее гепатит «В».

– Так его ж лечат...

она сказала:

– Нет.

И вообще она приехала из Иркутска.

Да, подумала я. Если ее отправили лечить гепатит «В» в такую даль, значит он, действительно, больше нигде не лечится, и другого выхода и вправду нет.

В кабинете УЗИ женщина – врач сделала нам по очереди УЗИ и сказала, что у нас все в порядке. Она спросила у моей новой знакомой, сколько ей лет?

– Семнадцать.

И записала в карточку. Потом ей стало интересно, какая погода преобладает в Иркутске:

– У вас там есть лето?

– Ну конечно!

– Наверно, холодное...

– Да нет, такое же, как и везде. Бывает и за тридцать градусов тепла...

Девочка была армянкой, но они почему-то разговаривали на русском языке. Это было странно, потому, что здесь никто не придерживался правил хорошего тона, и армяне между собой разговаривали на армянском языке, не обращая внимания на нас, русскоязычных.

Она была очень приятной, понятно, не наркоманкой. Хоть мы с ней и были одногодки, но я намного была ее старше.

Когда мы ехали обратно, она поведала мне свою печальную историю о том, что она отличница, а из-за гепатита полгода не ходила в школу, и теперь ей придется остаться на второй год.

– У меня в вашем отделении лежат братья.

– Да?

Она назвала их имена, но я, конечно же, их не знала еще. И подумала совсем на других. Сережа, – я слышала, – тоже армян, хоть и прожил всю жизнь в Москве и не знает своего родного языка, и их тоже двое. Он и его брат.

В больнице были строгие правила. При поступлении, у каждого проверяли сумки, что б не было наркотиков или спиртного. В город выпускали редко – редко, а девчонок почти никогда.

Хотя вечером...

Сидел Колесников перед телевизором, а потом ушел куда-то. Вернулся. Марина его унюхала и покачала головой.

Один парень у Коли спросил:

– А она не выдаст?

Тот рассмеялся, мол, нет.

В одиннадцать часов вечера охранник прокричал:

– Отбой!!! – Так, что б все слышали.

И все, нехотя медленно поползли по палатам. Своим, не своим, кто там разберется?

Мы с Алиной несмело ушли к себе.

Но как уснуть? Снотворные, вместе со всеми таблетками, у меня забрали, потому, что нельзя. Ведь на нас испытывали препарат, и врачам нужны были точные данные. Я подписала документ, в котором соглашалась, что никто, никакой ответственности здесь за меня не несет.

Начали крутить руки – ноги, и я вышла из палаты, что б попросить у кого-нибудь анальгин.

Мимо проходил Денис. Я спросила у него. Он ответил:

– Нельзя. А что, ломает?

Я только шире улыбнулась и пошла дальше. Встретила Марину, та пошла к «девочкам», рядом с нашей палатой. У Паши был анальгин. Он со мной поделился, и я его поблагодарила.

Здесь я впервые в жизни увидела настоящего голубого. Да он был еще в палате и не один! Мне смешно, но рядом с ним лежал главный прокурор города Москвы.

Ходил Паша, прижав локти к телу, чуть наклонив голову, как манерная девица. На голове у него была копна кучерявых, белых волос, которые пора бы уже было подстричь. На ногах он

носил красные шорты. И говорил он не как мужик. Все это было по-настоящему. Как же его ненавидели пацаны... потом кто-то ему даже запретил входить в столовую, когда там находятся другие люди. Я же смотрела на него с открытым ртом и брезговала. По моему нельзя себя вести парню так, как вел себя он. Девочка Паша ненавидел почти всех. По крайней мере, относился к ним с презрением.

Андрей сел на кровать возле Алины. Дима, что утром уходил в город вместе с Денисом, сел возле меня. Ох, и пьяные ж были они, разобрала я потом...

За стеной находилась комната охранников, которые охраняли наш сон. Андрей же с Димой громко ходили по палате туда – сюда. И за это их то и дело выгоняли отсюда. Правда, они, как бумеранги, все – равно возвращались через несколько минут. Я встала с кровати, что б надеть сарафан. Дима стал передо мной и сказал:

– Зачем?

– Затем. – Он дышал мне в лицо, и я поняла, что если сейчас не отойду куда-нибудь, он начнет приставать. Я отошла к окну. Он сел сам на мою постель.

– Иди, садись, – пригласил и меня.

– Не сяду.

Он растерялся:

– Почему? Потому, что здесь сижу я?

– Нет, просто не хочу.

Алинина кровать с грохотом стукнулась о стену, причем ту, за которой были охранники. Мы с Димой оглянулись на Андрея с Алиной, засмеялись, потому, что все – равно охранник уже был на подходе.

Распахнулась дверь:

– А ну пошли вон отсюда!!!

Если б у него была дубинка, он бы, наверно, приложил к делу и ее.

Пока этих двоих не было, зашел еще какой-то парень. Очень высокий парень.

– Девочки, я зашел пожелать вам спокойной ночи.

И сел на пустую кровать напротив меня. Всего кроватей в палате было четыре.

Я спросила у него, сколько ему лет?

– 19.

Серьезно?

– А выглядишь намного старше.

Он секунду молчал, а потом ответил мне:

– А ты знаешь, что сама выглядишь лет на 25?!

Ого, он знает как меня зовут, сколько мне лет, и думает, что о нем я тоже все знаю. Жаль, но я его видела так близко впервые.

– Что ты почувствовала, когда узнала, что у тебя СПИД?

Ответила Алина:

– Я не сразу узнала. После того, как меня изнасиловали, я сдала все анализы, и мне сказали, что все в порядке. Но через три месяца позвонили мне домой...

– Ну, понятно.

– Так мне сказали прийти по адресу. Я по каталогу посмотрела, что это за адрес, и все поняла. Я плакала и плакала. А мама моя, когда узнала, 2 недели в психбольнице пролежала.

Да, антитела к вирусу СПИДа в крови появляются лишь через три месяца после заражения вирусом. А то и через полгода. Так что, вливая себе донорскую кровь, ни в чем быть уверенным нельзя.

У парня, что сидел напротив меня и желал нам с Алиной спокойной ночи, была, по моим представлениям, идеальная фигура. Талия, плечи и т. д.

– Я здесь с братом. Так у него, после того, как он узнал, полголовы стало белой.

Ничего себе. Два брата, два наркомана и два ВИЧ-инфицированных. Несчастные их родители. Если б моя сестра была такая же, как Ия, нашим родителям можно было бы сразу ложиться в гроб.

Когда он ушел, вернулись Андрей с Димой. Тихо закрыли дверь:

– Кто-то приходил, пока нас не было?

Я описала, кто приходил. Дима сказал Андрею, или Андрей сказал Диме, что это Карен. Точно, Карен.

– Вот, блин...

Они улыбались и одобрительно кивали головой. Им было весело от всего происходящего.

Еще раз их выгоняла медсестра, но на пол дороге в свою палату они уломали ее оставить нас в покое, снова вернулись. Посреди ночи мы с Алиной остались одни, и день закончился.

Глава 10

Первая капельница арменикума

Между прочим, голубой Паша еще оказался и профессиональной гадалкой.

В 7 часов утра мы проснулись и медсестры стали брать у нас из вены кровь на анализ. Потом через ту же иглу подключили капельницы. Количество содержимого в пакетах с арменикумом было разным. На пакетах были выведены цифры кому – сколько. А вообще, арменикум, это не жидкость, а мазь, которой все больные смазывали прыщи, и те проходили. А перед капельницами арменикум разбавляли физ-расствором.

Алина весила больше, чем я, а лекарства у нее было меньше. Это зависело от того, как ты заразился, как давно и еще бог знает от чего.

Пока капельница капала, заходил Денис. Увидел, как жидкость капает мне в вену, да слишком медленно.

– А че она у тебя так медленно капает? – Пробубнил он себе под нос, передвигая колечко так, что б краник начал капать быстрее.

– Не жжет?

– Нет.

– Тогда нормально.

Он, как зашел, так и ушел. А я смотрю, а арменикум в пакете заканчивается. Благо дело, двери в нашу палату были всегда открыты, и к нам туда – сюда заходили те, кто уже откапался, или кому капельницу еще не ставили. Людей много, а медсестер несколько. Мимо палаты прошел Сергей.

– Сергей!! Позови медсестру, капельница закончилась.

Он зашел:

– Чего ты кричишь?

Подошел и перекрыл капельницу сам. Потом ушел за медсестрой. Она вытянула иголку из пакета арменикум и воткнула ее в перевернутую банку с физ-расствором. Пока черной жидкости не осталось ни капельки, капал физ-расствор, а потом медсестра вытащила иголку из моей вены и отлепила, придерживающий ее лейкопластырь.

Те же действия были произведены и с Алиной. А после этого, нас начали пугать:

– Ты ходишь? Тебе не плохо? Ничего, через час посмотрим. С кровати встать не сможешь.

Мне было интересно, а вдруг мне плохо не станет? Вдруг пронесет...

Вообще, все происходящее было каким-то странным.

Прошел ровно час, и мы с Алиной слегли. Остальные тоже, поэтому мы остались почти одни. Только Денис улетал домой, и у него капельницы не было. И еще в коридоре под музыку танцевал тот парень, который мне понравился в столовой.

Я так тряслась под одеялом, что было смешно. Денис позвал:

– Вова!! Иди, посмотри на нее...

Вова зашел:

– Чего?

И засмеялся:

– Хи – хи... Че, совсем плохо?

Зашел,.. ушел... че ему на месте не стоится?

– Денис, скажи ему, что б он потанцевал здесь, – пошутила я.

– Вова!! Здесь просят, что бы ты потанцевал для них!

Вова зашел снова:

– Я потанцую. Потом...

И ушел.

Алине стало совсем нехорошо. Она позвала медсестру. Та бегом нагрела ей воды, налила в бутылку из-под Джермука, и положила Алине под ноги. Я от бутылки отказалась.

Денис ждал Л. А., потому, что ему не хватало денег «на воздух», и он собирался их попросить у Геворкяна, который как-то даже взял Колесникова на футбол армян с русскими. После же проигрыша своих он сильно расстроился, дал Коле 100 долларов и отпустил их с Мариной в город.

Лежим мы с Алиной и видим, как в палату заходит видеокамера. От греха подальше мы закрылись подушками и отправили камеру вон. Оказалось, что это было не в последний раз. Люди с камерами здесь всегда были и всегда будут. Только больные при их виде расползались, как тараканы, по своим палатам.

Прошел час, и пришли доктора, выгнав из комнаты всех посторонних.

– Встань.

Я встала. Главврач, о котором говорили, что он был болен раком, но вылечился арменикумом, прощупывал на шее мои лимфоузлы. Когда он надавил под мышкой, мне стало больно и потемнело в глазах.

– Я сейчас потеряю сознание.

– Ложись, – сжалились врачи.

Они ушли, и лишь медсестра каждый час приходила, что б записать в больничном листе данные о нашем состоянии: температура столько – то, головная боль, озноб, тошнота.

Когда нас с Алиной отпустило, мы захотели есть, а потом сели перед телевизором. Передо мной встал Вова, который оказался родным братом Карена, что желал нам с Алиной спокойной ночи. Он о чем-то громко рассказывал кому-то за моей спиной. Русский язык мне близок, хоть я и украинка. Мама у меня русская, и с детства я владею чистым русским языком, только «г» по-украински. А вот русский язык Вовы с армянским акцентом Вовы мне понятен не был. Но я заразилась его настроением и рассмеялась кому-то на ухо, кто сидел рядом от меня:

– Я ни слова не понимаю, что он говорит...

а тот продолжал, пока у телевизора осталось всего пару человек. Я и он. Отвлеченная телевизором, я за ним не проследила. Сев рядом, Вова извинился:

– Поверь мне, дома я разговариваю абсолютно без акцента! Это он здесь у меня почему-то появился!

К нам подошел Сережа:

– Вова, у тебя есть машина?

– Есть, – просто ответил Вова.

– Какая?

– Мерседес.

Вопрос об автомобиле ему понравился. Его ответы несли превосходство над этим смертным.

– Какой?

– Шестисотый, – пожал он плечами.

А я, что я? В глаза не видела такой машины. Слышала, что дорогая. Я в принципе не нормальный человек, и любила я не «BMW», а «форды». И Мерседесы видела только сотые. Волга и то выглядит лучше.

Я слышала, что дома Вова пропадает на дискотеках и жить не может без героина. Здесь же, в отделении больницы, без наркотиков мы были вроде нормальными людьми. Да, пили они горькую, но героин в Ереване можно было купить только коренному жителю города, да и то с большим трудом. Считалось, что в Ереване наркотиков нет.

Глава 11

Вылечишься или нет – зависит только от тебя

Вечером происходила какая-то возня. Марина Колесникова мне объяснила:

– Паша умеет гадать. Иди, он и тебе погадает.

– А что мне у него спрашивать?

В гадания я не верю совсем – совсем. Я думаю, что гадалки просто обманывают людей. Нет, есть, конечно, одаренные богом люди, что могут увидеть будущее человека. Но их слишком мало, и, тем более, не здесь, в больнице.

– Только не спрашивай, вылечишься ты или нет. Этот вопрос все задают, а он отвечает, что он ответить на этот вопрос не может.

– Почему?

– Говорит что-то вроде, что это зависит только от нас самих.

Паша мне предрек не сладкое будущее:

– В конце 2000-ного года тебе на пути повстречается человек, который будет тебя очень любить. И, если ты его не сумеешь узнать и ответить на его чувства, будешь потом очень долго страдать.

Тоже мне, ясновидение. Да кому угодно такое скажи, и попадешь в точку.

2000-ный год лишь наступал, и времени у меня было еще целый год.

Глава 12

Передозировка

Следующим утром я увидела, как та армяночка, что ездила со мной на УЗИ... стоит и разговаривает в холле с Вовой и Кареном.

Стало понятно, что это ее братья. Вот семейка!

Она мне улыбнулась, когда я проходила мимо них, и поздоровалась. Вова улыбался тоже. Я постаралась пройти побыстрее.

После этого Вова сидел у себя в палате вместе со мной:

– Ты можешь себе представить, что ее еще не целовал не один парень. Гепатитом ее заразили в зубном кабинете. Мы всей семьей потом приехали к этому суке – врачу, но он уже сбежал. Уехал из города.

Я понятливо кивала головой.

В отделение поступил новенький грузин. Подошел ко мне и сразу же сказал:

– Я тебя украду.

Мне подумалось, что этот может. Я его стала бояться. Он только смеялся:

– Ну почему? Только я сяду возле нее, отвернусь на секунду, а, когда поворачиваюсь, ее уже нет!

Что такое любовь?

А черт ее знает!
Подогревает кровь,
И в холод бросает.

Где жизнь найти, что б без нее?
Любовь как часть тебя.
Она в судьбе людей живет,
То опустив, то вознеся.

Она была, и есть, и вновь...
Как друг она, ей дорожим.
Но оберегаем мы любовь,
Когда от холода дрожим.

Каждый день приходила мама, приносила фрукты. Вкуснее араратского винограда я в жизни не ела. Особенно сладкий мелкий такой, черный кишмиш, без косточек, из которого делают изюм.

Во вторник я поступила в больницу, в среду уже получила первую капельницу, в четверг, после отбоя, к нам постучался тот грузин с большим куском торта «Наполеона».

– Это вам. Кушайте, на здоровье.

И ушел.

Может он не такой уже и страшный?

Следующим днем мы играли в карты, а Вова с братом в стороне играли в нарды. Понятно было, что они пытаются один одного надурить. Вова то на армянском языке, то на русском кричал:

– Ну что? Булка?! Иди, пока почитай газетку. – И отмахивался от Карена рукой.

Через несколько секунд наоборот:

– Дайте мне газетку, я почитаю, пока он будет думать.

Вова игрока старался надурить, потому, что проиграть ему не позволяла гордость.

Карен подпрыгнул с кресла и закричал, что Вова его, в общем, обманывает. Тот в ответ вызверился на армянском языке и закончил:

– Моменто море! Момент – и в море.

Повернулся ко мне:

– Да, Саша?

И улыбнулся.

В пятницу, кроме нас с Алиной, всем ставили по последней капельнице в этом месяце. И были готовы первые результаты анализов. У кого-то нашли только СПИД, у кого-то и СПИД и гепатит. У третьих, по паре гепатитов. А у брата Сережи так и вовсе гепатит «D». Они с братом героину предпочитали эфедрин, наверно и гепатит этот оттуда.

Вечером прилетела пара из России. У них только в пятницу был самолет. Лена и Алексей.

Мы с Димой играли в холле в карты, когда мимо прошла лена. Дима проводил ее взглядом:

– Нет, слишком худая.

И высокая... Куда мне до нее?

В субботу из больных осталась только половина. В воскресенье должна была прилететь следующая группа пациентов.

Некоторые больные оставались в Ереване на эти три недели, ездили отдохнуть на озеро Севан. А кое-кто оставался в больнице, если не было возможности ту – сюда летать, и они договорились с Геворкяном.

Вова и Карен собирались ехать к родственникам в Грузию.

Все армяне на половину грузины, как и все украинцы на половину русские. И такое же отношение. Армяне – это единственная нация на Кавказе, которая не воюет. И от этого считается не достойной.

Кстати, из Иркутска был еще один парень. Его звали так же Андрей. Как и Алининого. Так этот Андрей заболел здесь гепатитом. Его цвет стал желтым. Его лечили дорогими немецкими препаратами. Между прочим, Геворкян говорил, что гепатит вылечить намного (!) труднее, чем СПИД.

В воскресенье с утра поварихи ходили и качали головами. Ждали москвичей. Одна подошла ко мне и пожаловалась:

– Опять колотья будут!

Те не боялись, даже, провозить героин через границу.

– Там, Саша, даже такая есть которую материнских прав лишили...

один из охранников смотрел в окно. Когда он увидел, как перед воротами остановилось такси и из него вышли москвичи, он крикнул:

– Приехали!

У поварихи покатила из глаз слеза.

Затрещал звонок, охранник открыл дверь ключом. И ничего, даже с одним парнем обнялся:

– Ну как ты?

– Нормально.

Сумки, конечно же, их проверили. У той, что лишили материнских прав, забрали бутылку из-под кока – колы, наполненную вином. У другой, из Мариуполя, изъяли подарок для Геворкяна, который ну никак нельзя было открывать. В коробке оказалась водка.

Не люблю чужих людей.

Я лежала на своей кровати, когда с треском открылась дверь, и Карен с грузином втолкали в палату какого-то москвича. Карен спрашивал:

– Ты бык? Какого х...я, твоя девчонка наехала на меня? А?

я посмотрела – посмотрела, встала, они отодвинулись, что б пропустить меня, и вышла.

В холле сидела толпа. Из Кривого Рога приехал молодой человек, который нашел во мне сразу свою. Здесь украинцев почти не было. Геворкян поругался с нашим правительством, которое не хотело принимать участия в испытании арменикума. Например, Алина как раз таки оказалась здесь, благодаря программе по испытанию арменикума. И все перелеты ей и еще одному парню оплачивал мэр Твери.

Парень из Кривого Рога спросил:

– Что они там, дерутся?

– Пока нет, но скоро начнут.

Вова махнул рукой:

– Он не будет драться. Это я дерусь, а он нет.

Криворожец поднялся с кресла, что бы пойти посмотреть, что там происходит. Дима ревновал меня к нему и просил, что б я с ним не целовалась, объясняя это тем, что у того на губах еле заметный герпес.

Через минуты они все вчетвером вышли из моей палаты. Тоже мне, поле боя, блин...

И тут это дело свернулось, потому, что...

У телефона, с трубкой возле уха стояла только, что прилетевшая девушка. Ей был звонок из дома. Стояла – стояла, а потом так опустила медленно на пол.

Кто – то крикнул ее по фамилии и добавил по-армянски:

– Передозировка!!!

Девчонку внесли в палату паши. Та была ближе всех. Паша вышел и начал сокрушаться по этому поводу.

Из-за его двери вышел испуганный врач и обратился к холлу:

– Кто-нибудь знает, что надо делать?

Карен и еще один старый армянин быстро оторвались от своих кресел, и пошли делать этой девушке дыхание рот в рот.

По-моему, ей нужно было вколоть в вену раствор воды с солью, но я не знала точной дозировки соли и воды.

Странные какие-то наркоманы здесь сидели. Никто толком не знал, что надо делать. Кто-то сказал, что б надавали ей посчетчин, кто-то просто ждал с открытым ртом, чем это все закончится. Я с героиновой передозировкой встречалась впервые. Я знала, что от передозировки маковой соломкой человек глотает язык. И спасти его надо не так, как здесь, а немного быстрее. Это не приятно и не красиво. Доставать язык и держать его, хоть к табуретке прибивать, пока человек не оклемается. Хорошо, что передозироваться соломкой можно крайне и крайне редко. По крайней мере, на моей памяти, такого не было. А с героиновыми наркоманами это случается на каждом шагу. Они только шутки шутят по этому поводу, и раз от раза вызывают скорую, если посчетчины не помогают.

Когда девушку привели в чувства, ошалевшие, врачи покинули палату, а ее перенесли в манипуляционную, где ей поставили капельницу с физ-расствором. Колесникова Марина осталась сидеть рядом с ней и только хлопать перед ее носом в ладоши, когда она опять собиралась отключиться.

Охранники кричали между собой:

– Она запрятала героин в прокладки! Что мне нужно было делать?

И тут в холле произошла потасовка.

Почему-то криворожец подрался с грузином. Их разняли, но терпению охранников пришел конец:

– Быстро все по палатам!!!

Стало совсем не интересно, когда в столовую пустили по палатам. Сначала те... потом те...

У нас палате появились две сестрички 25-ти и 14-ти лет, москвички, армянки. Так они начали развлекать себя тем, что вываливались из окна и знакомились с прохожими. Через стену их окна выглянул Паша, пораженный тем, что произошло.

К вечеру гнев врачей сменился на милость. И все стало по-старому. Из-за чего же Карен взъелся на того москвича? Я у него спросила.

– Нет, ну подумай. Я стою себе. Стою возле ее палаты. Она подходит и толкает меня! «Отойди!»! Какого х...я она меня толкает?! Что, нельзя по нормальному попросить? А она меня, них... я себе, берет и толкает!

Можно подумать, он действительно такой злой, каким хочет казаться. Ничего подобного.

После отбоя, охранники стали вызывать к себе в комнату по очереди новоприбывших ребят и обыскивали с ног до головы. У одного из них нашли чеки с героином и до утра успокоились.

Утром девчонку, что вчера передозировалась и того парня, у которого нашли героин, отправили домой. Что б те понесли наказание. Лечение их откладывалось до следующего раза.

Меня забрала мама. Я ей рассказала, что случилось, а она мне отвечает:

– А я была как раз у Геворкяна, когда он разговаривал по телефону с отцом этой девочки.

Хочу добавить от себя, что эта москвичка была единственной, которая вызывала у меня чувство ревности. Она была богаче, чем я одета, да и наверно красивей. И никакой звездной болезни. Просто улыбнулась мне, когда мы столкнулись с ней в туалете. Но чувствовалось в ней какое-то величие. А, может, мне так показалось.

Мама говорит:

– Геворкян кричит: «Ну, вы что?! А если б она умерла у меня в отделении?! Во всем бы обвинили арменикум, вы понимаете это? Написали бы: «Произошел смертельный случай».

– А еще, мама, помнишь, в газете писали, что одна девушка шантажом вынудила взять Геворкяна ее на лечение? Так вот, лечилась она, лечилась, а потом опять подхватила СПИД. Конечно, Геворкян отказывался принять ее обратно. Так она придумала: «Если вы не примете меня, я за одну ночь заражу половину города Еревана».

До самолета оставалось несколько часов, и мы с мамой просто сидели в креслах и ждали.

Мне стало так себя жалко... Жаль, что я наркоманка, и что я не верю, что когда-нибудь перестану ею быть.

Перед самолетом я снова напилась снотворного, а, когда нас встречал папа, еле разлепила глаза.

Папа меня обрадовал:

– Ты сильно похудела.

Мама ответила за меня:

– Ты б видел, какие они там ходят после капельниц.

– Да, представляешь, пап, а таблетки никакие нельзя пить.

Ни от температуры, ни обезболивающие.

Мы ехали на машине, взятой папой у мужа своей сестры, из Киева домой. Я закурила.

– Ты опять куришь?

– Угу.

Папа вздохнул.

Глава 13

Дом и снова Армения

После возвращения из Еревана, я как-то смирилась с жизнью. Когда смотрела на папу, то понимала, что о Валике заикаться не стоит. За последнее время я несколько раз получала от папы посчетчины и слушала, как он орет. Но могло быть еще хуже. Он мог ночью, в своей постели, рядом с мамой плакать из-за меня.

И я понимала, что если мы с Валиком и будем вместе, то только тайно. Мне это претило. Так встречались Женя и Даша, а их статус как-то убивал их любовь.

На улицу меня не выпускали. Я днями разгадывала кроссворды. По вечерам мы вдвоем с мамой выходили на прогулку. Шли себе по аллее... шли...

– Мама, купи мне пива.

И мама покупала. Мы садились на скамейку, я курила и пила холодное пиво. Рядом с правильной мамой я чувствовала себя, как бы это сказать, на уровень ниже, что ли. Но я просто мучалась от безделья.

Как волка не корми, он все – равно в лес смотрит.

Я догадывалась, что придет время, и мне придется топить свое горе. Наркоманке что-то пережить не трудно. Ширка убивает память и душу. А у меня очень долгая память, поэтому, без ширки мне не прожить. Наверно в голове задеваются какие-то центры, что и позволяет испытывать суррогат счастья, любви, радости и цвета жизни.

Скажу по секрету, что здоровый человек без наркотиков все эти чувства испытывает намного полнее.

Нет, я больше страдать не буду. Ни душой, ни телом. Как же мне плохо было, когда я прыгивала с иглы первый раз... так больше не будет. А как мне было невыносимо, когда я первый раз узнала, что Валик меня обманывает... так больше не будет. Как нас ударило по голове то, что у меня СПИД,... но спасение есть! Ширка. А, значит, Валик. А, если я ему все разрешу...

А что? Сама такая. Он и обманывать меня не будет. И умирать будет не больно. Валик рассказывал мне:

– В общем, пацан был болен последней стадией СПИДа. Все, уже не вставал с постели. Врачи сказали, что сегодня он умрет. Мама спросила у него, что он хочет, что б она сделала. И тогда он попросил, что б она принесла ширки. Мать принесла. Его как-то укололи. На теле почти не было места, куда можно уколоть. И ужасно больно. Но потом он встал, пошел и поел, а, когда время действия ширки почти прошло, парень просто лег на постель и умер.

Для нормального человека, как, например, моя мама и мой папа, эта история не имела смысла. Пап вроде стал еще больше презирать, после того, как я рассказала ему ее. Я же, как наркоманка не боялась смерти. Для меня главное было не чувствовать боли. И вообще ничего не чувствовать.

«Комсомольская правда» продолжала рассказывать о Колесникове и арменикуме. Ереванские результаты анализов показывали, что он здоров, но Коле еще предстояла поездка в Германию, где его должны были обследовать с ног до головы. От этого обследования все многого ждали. Хотя умные люди могли предположить, чем это закончится. Например, ереванские врачи не советовали сдавать нам кровь на анализ где-то еще, а не в Армении. И действительно, в больнице лечилось около 150 человек, но, по-моему ни один человек не делал анализы, после лечения, у себя дома. Почему? Да потому, что боялся, что в лучшем случае его просто обманут, а в худшем – занесут вирус вновь. А как я думала – неужели какая-то маленькая Армения сможет сказать о себе не весь мир?

Из чего же сделан арменикум мы не знали. Слышали, что основной ингредиент – серебро, но что там точно – оставалось секретом.

Одно было очевидно, что это лекарство палит вены. А кругом одни наркоманы, попробуй, найди у них эту вену. Всего минус двенадцать вен.

Геворкян говорил:

– После того, как они у меня пролечатся, они перестанут колотиться.

За день до самолета в Ереван, мы с мамой купили на рынке мне джинсовый комбинезон, смоктушек, шоколадку «Свиточ с кокосом», и блок сигарет «Прима люкс».

Так, как самолет из Киева в Ереван летал только по понедельникам и пятницам, а в понедельник утром надо было уже быть под капельницей, я летела пятничным рейсом.

Два с половиной часа в самолете – и я уже в Армении.

Глядя сверху на ереванский аэропорт, его можно было сравнить с двумя летающими тарелками, которые стоят одна над другой. Сервис, конечно, не тот, что в Киеве, но атмосфера...

Как только я спустилась вниз по трапу, мое настроение улучшилось.

Дома у нас всегда были скандалы. Я обижала мать, она – меня. Я не терпела характер сестры, она не терпела мой. Да и вообще, с сестрой мы росли, как цепные собаки.

Если б я от кого-то из друзей услышала, какая я нелюдь, я б закрылась дома и уже никогда оттуда не вышла. А куда деться от собственных родителей и сестры? Ладно, родители. Они все-равно любят. Меня больше обижало отношение младшей сестры. В ней не было и грамма любви ко мне. Я просто мешала ей в жизни.

В общем, дома я была плохим человеком, а хорошим за его стенами.

Пока таксист вез меня на улицу Муроцяна, кое-что мне рассказал:

– Наши врачи, говорят, нашли лекарство от СПИДа, слышали?

– Угу.

– А вы верите в это? Я, лично, не верю.

Интересно, куда он думает, меня везет? Вроде все таксисты аэропорта знают, что это за адрес... конечно, глядя на меня, ему не хотелось думать, что у меня СПИД, но что делать?

На улице уже темнело.

Я поднялась с чемоданом на четвертый этаж и нажала кнопку звонка. Охранник сначала открыл передо мной дверь. Потом у себя в комнате проверил, что у меня в сумке, и отправил в палату.

Открыв дверь, я увидела худую высокую девушку.

Глава 14

Полина и ее друзья

– Привет, я Полина.

Больных из моей группы еще не было, а из предыдущих осталась еще половина.

– Ты откуда?

Мне казалось, что она москвичка.

– Я из Киева, как и ты.

Я удивилась:

– А говоришь с московским акцентом...

– Я здесь уже четвертый раз, и просто привыкла так общаться.

– Ты последний раз?

– Нет. У меня анализы плохие. И я, наверно, буду еще приезжать.

– А лет тебе сколько?

– 26.

Ну и ну.

– А выглядишь не больше, чем на 19.

При росте за 170 см, она весила 52 кг и совсем не пользовалась косметикой.

– А почему ты сегодня домой не улетела?

– Я буду вместе с вами. Папа попросил Л.А., что б он придержал меня тут еще неделю. Я и сама не думала. Просто, я летела сюда в глубокой системе. И всю прошедшую неделю лежала, не вставала с кровати. Только вот последние дни нормально себя чувствую. Отец знает, что дома за мной не уследит, вот и попросил Л.А. помочь. Ты сама?

– Да.

– А парень у тебя есть?

– Да.

– А почему ты не с ним?

Я махнула рукой.

– А я была замужем. Беременная была. На шестом месяце, представляешь, узнала, что у меня СПИД. Я тогда, даже курить бросила. Как узнала, пришла домой и выкурила сразу две сигареты. Сделала аборт.

– Муж тоже был наркоманом?

– Сначала нет, но я его посадила.

В подробности я углубляться не стала. Мы вдвоем отправились в душ, который и душем назвать трудно. Так, просто кран на уровне пояса. Мужской и женский. Женский не закрывается. Полина пояснила:

– Придурак один ломился к девчонке. А она не открывала. Так он просто выбил задвижку.

Потом она мне все рассказала:

– Мой муж продавал героин. П...ц, сколько раз он просил меня завязать! Несколько раз прощал, а потом решил отомстить мне и сказал «Давай». У него был брат, так тот был наркоманом. Умер от передозировки. А я его в тот раз колола. Я помню, вмазала его, он отъехал, и мы не смогли его спасти. Просто оставили его одного, а сами сели в машину и ехали... ехали... куда подальше. Совсем о нем не думая. Потом родители мужа, ... в общем, потом мы развелись.

После отбоя к нам в палату постучались несколько ребят. Один из них был на год младше Полины. Он был болгарин и очень ей нравился. Ее группа вообще была старше нашей. Они закрыли дверь, забили план, и мы по кругу раскурили, дымя в открытое окно.

Охрану они не боялись и вели себя тихо.

За прошедший день я проделала долгий путь, да и незнакомых людей я не люблю. Поэтому, сказывалось нервное перенапряжение. Хотя, потому, что Поле болгарин нравился, к нему благосклонно отнеслась и я.

Меня клонило в сон. Ребята ждали кого-то из города. Болгарин, мне показалось, спросил у меня время. Я разлепила глаза и сказала время. Но их смех поставил меня в неловкое положение.

– Я спросил, сколько времени ты уже болеешь?

Я рассказала, улыбаясь.

– Какой раз ты уже в Ереване?

– Второй.

– Это на тебя так драп действует?

– Да нет, я просто засыпаю. Я не люблю вообще-то курить...

открылась дверь, охранник провел мужчину, которого они все ждали.

– Только не долго.

Этот мужчина прошлую неделю лечился здесь вместе с ними, а теперь пришел с дыней и арбузом просто в гости. Кто-то разрезал пополам арбуз и понес угостить охранников. Но те от нашего арбуза отказались, как от чумного. Ну и черт с ними!

Вскоре опять пришел охранник, и после недолгой дискуссии дал нам еще час. Но через 20 минут болгарин встал:

– Пойдем. Она, вон, уже засыпает.

Какой он был замечательный! И мы остались вдвоем с Полиной.

Полина переделалась, но спать не легла. Она предупредила меня, что пойдет поговорить с болгаринном.

Когда я проснулась посреди ночи, ее еще не было. А утром...

– Я у него пробыла всю ночь!

– Да я знаю, видела, что тебя нет.

– Мы с ним просто обо всем разговаривали. Я ему рассказала о своем муже, о беременности... Он, даже и не думал ко мне приставать!

Не знаю, довольна она была этим фактом, или разочарована. Но выглядела довольной.

– Пойдем в коридор?

Я покачала головой:

– Не хочу.

И Полина ушла одна.

В коридоре начался шум.

Выйдя из палаты, я увидела толпу возле весов. Я подошла ближе, а мне на ухо кто-то удивился:

– И ты здесь?

Я обернулась. Это был Вова.

Глава 15

Мы курили драп

Не переодеваясь, они с братом забросили в палату чемодан и отправились гулять. Без них было скучно.

Жалко, что я такая неусидчивая, а то б посмотрела по видеку «Армагеддон», который еще не видела. Зато кассету, что лежала тут же, я видела. Это был фильм «Детки». При чем, смотрела я его в 14 лет. И в конце так сочувствовала главному трахальщику, потому, что он жить не мог без секса, а судьба преподнесла ему сюрприз в виде СПИДа. Я тогда подумала: как он, бедный, теперь жить будет? Сама ж, когда заболела, ни с крыши не прыгнула, ни вены себе не перерезала. Хотя, после того, как меня когда-то переломало, начала этим грешить. Даже остались шрамы.

В общем, я продолжала жить, как и жила до этого.

Среди кассет лежала кассета с концертной записью. Там же был и Рикки Мартин, который меня встречал, там же, была первая запись трех французов, которые пели «Эсмеральду». На этой кассете было несколько красивых песен. Пела и Шер – самая известная армянка в мире, которой армяне так гордились.

В прошлый раз, когда с кассеты пел Рикки Мартин, Вова у меня спросил:

– Тебе нравится Рикки Мартин?

Честно говоря, живые люди мне нравятся больше, чем те, с которыми я не знакома.

– А ты знаешь, что он голубой?

Голубой, так голубой.

Когда запела Бритни Спирс, Вова удивил меня больше:

– Ей всего 17 лет.

Она оказалась на месяц младше меня. Хотя, мне казалось, что она намного старше.

Через несколько часов Вова и Карен вернулись пьяные в больницу. Пришел из нашей группы и армянин Саша, моего роста и моего же веса, 24-ех лет.

Они принесли спиртное и с собой. Позвали Полину, та еле сбежала и прибежала в палату. Оказалось, что она совсем не пьет спиртного. Сказала, что может иногда выпить чуть-чуть вина.

В палате были Вова, Карен, Саша и Полинин Хусейн. На кровати лежала едва прикрытая газетой конопля. Много конопли. Они забили пару сигарет, когда зашли мы с Полиной. Мы по очереди подходили к окну и курили. Зато Вова – по палате, туда – сюда, с папиросой в зубах. Становилось чересчур шумно и страшно. Первой ушла Полина, за ней я. Только я отошла от палаты на несколько метров, как раздался крик охранника:

– Вы ох... ели совсем!!! – Спрашивал он.

Через десять минут этот охранник был у нас:

– Вы представляете?

– Нет, – говорит Полина.

– Нет, вы честно не знаете?

Он смотрел на меня.

– Что не знаем?

Он немного успокоился:

– Эти придурки драп в палате курили!!

Полина выразила удивление:

– Да ты что?

Я тоже округлила глаза.

Он спросил у меня:

– Ты тоже ничего не знаешь?

Я поджала губы:

– У – у.

Он совсем успокоился. И ушел.

Полина опять удивилась:

– Я думала ты не сумеешь соврать. Он смотрит на тебя, а я думаю: все. Не ожидала от тебя.

У Полины, словно камень с плеч упал.

Вообще-то врать – это был стиль моей жизни.

С громкими ругательствами в комнату ввалились Вова, Карен и Саша. Сели на свободные кровати. Саша кричал на Вову:

– Ну, ты ж идиот?! Какого х...я ты ходил по палате с папиросой в зубах?! Нет, вы подумайте, – посмотрел он на нас, – охранник заходит, а у нас драп на кровати разложен!

Но Вова как гаркнет что-то в ответ по-армянски. Саша зашелся смехом, за ним засмеялся Вова и его брат. Черт их поймет, ругаются они или мирятся.

Вова еще немного позлился, посмеялся, встал и ушел.

Ну, куда ты... подумала я.

У меня душа то сворачивалась, то разворачивалась, в зависимости от того видела я Вову или нет. У него были очень красивые ноги, а еще он поднимал вверх правую бровь, в то время, как левая оставалась на месте.

В субботу вечером в нашей с Полиной палате сгорела лампочка. Только что горела и вот не горит. Полина позвала охрану. Те вдвоем открутили плафон, заглянули внутрь и поняли, что они ничего сделать не могут. Позвали ребят. Те сделали то же самое, и результат оказался тем же. Они смеялись и разводили руками.

– Тогда мы пойдем в другую палату, – сказала Полина.

И мы пошли в первую палату, в которой я лежала прошлый раз.

Глава 16

Выбери меня... выбери меня

После отбоя я возвращалась из душа, мимо палаты Сережи и Андрея. Андрей перехватил меня в коридоре. И затянул в палату. Мне казалось, что он с Алиной.

Посадил меня на кровать, не включая свет, что б не будить остальных. А сам с Сережей встал передо мной.

– Мы тут подумали, – сказал он, – долго думали и решили, что если ты нравишься нам обоим, то должна сама выбрать кого-нибудь одного из нас.

Они действительно долго думали.

Мне стало не по себе и смешно.

– Я пойду к себе.

– Ты отсюда не уйдешь, пока не скажешь о своем решении.

О каком решении?! Даже если Сережа мне нравится больше, чем Андрей, я ведь все – равно им об этом не скажу...

– Хорошо, тогда рассказывайте, что каждый из вас мне может предложить?

Андрей опешил, а Сережа начал скороговоркой:

– У меня бабушка завещала наследство тому из нас, кто первый жениться. И четырехкомнатная квартира в Ереване.

Я посмотрела на Андрея:

– А ты?

– У меня ничего нет. Я могу тебе предложить только свой город Адлер.

Очень хорошо. Адлер я очень любила. Была в детстве с сестрой там в лагере и видела его красивую природу. Пальмы... море...

Предложение было не богатым, но искренним.

– Отпустите меня, пожалуйста, до завтра.

Я чуть не встала, но они подошли ко мне плотнее.

- И завтра утром ты нам ответишь?
- Угу, – сказала я, не открывая рот.
- Главное было уйти. До завтра еще далеко.
- Андрей поставил точку:
- Но только до завтра.

Глава 17

Беламор канал

Я лежала и не хотела засыпать, потому, что неизменно наступило бы утро.

В воскресенье в отделении было некуда плюнуть.

Ночью прилетела Алина. И выяснилось такое! Она уже успела переспать с Андреем.

И не раз. Хуже того:

– Я его люблю, – сказала она мне.

Мне было стыдно за Андрея, но Алине я ничего не рассказала.

В понедельник после капельниц начался дурдом.

В больнице было два магнитофона. Один подарил Геворкян, который стоял в палате у Димы. Другой привез кто-то из дома. И тот стоял у Вовы с Кареном. Полине захотелось музыки, и она отправила меня за магнитофоном. Полина добавляла мне смелости, и я пошла в столовую, где сидел Дима. И Вова. Кушали. Подходя к Диме, я спросила про магнитофон. Вова услышал:

– Иди у нас в палате возьми. Скажи, что я разрешил.

У него в палате магнитофон молчал. И я забрала его с тумбочки:

– Мне Вова разрешил, – сказала я удивленному Карену.

Развернулась и пошла к себе в палату.

Полина меня поприветствовала и поинтересовалась:

– Ты слушаешь блатные песни?

– Нет, – я их, честно, не любила.

– Я сейчас включу такие, которые тебе понравятся.

Я впервые услышала песни «Беламор канала», и мне действительно понравилось.

Магнитофон пел...

Правду говорят, что ночью мы делаем такие поступки, которых бы ни за что не совершили днем. Мои вчерашние друзья утром не пришли. Ну и плохо. Не известно было чего ждать дальше.

В окна светило яркое солнце. В Ереване еще продолжалось лето. Пациенты разбились на две группы. Одна напивалась в одной палате, другая – в другой. Ближе всех я была знакома с Димой, поэтому, взяв его под руку, оставила, наконец, свою палату.

– Куда ты хочешь, сюда или туда?

– Туда.

То есть к Диме. Мы выпили водки, Дима с другим больным играл в нарды, а я кидала его кости. Почему-то ему везло. Потом мы отправились в другую палату, где был Вова и остальные.

Вова попросил меня принести из его палаты фрукты.

Когда я возвращалась, то в одной руке держала виноград, а в другой персики. И тут на встречу вышел Андрей. Ему было весело. Он прижал меня к стенке,...то есть загнал меня в угол. Он стал приближаться, когда дверь напротив открылась, стукнувшись о стену.

– Ну где фр...

Вова увидел меня, улыбнулся:

– Что это тут происходит? Проходи, – он пропустил меня в палату.

Глаза у меня были соловые, рот до ушей...

Долго сидеть было не прилично, и я ушла к себе.

Глава 18

...и я влюбилась

Перед самой дверью меня остановил Сережа. Улыбнулся. Он был всего на год старше меня.

– Так кого ты выбрала?

В моем состоянии мне было почти все равно. Я поманила его пальцем. Он наклонился к моему уху.

– Конечно, мне нравишься ты.

За мной пришел Вова и еще пару человек. Пришла Алина, наверно от Андрея:

– Там тебя Дима зовет. Он у себя в палате.

Я – человек добрый... когда я подошла к двери, там стоял Вова:

– Разрешите вас пригласить на танец?

– Нет, – я отрицательно покачала головой. И врезалась в его руку, которой он уперся об косяк и преградил мне выход:

– Нет, ты сначала потанцуешь со мной.

Честное слово! Быстрее было согласиться.

Но, когда песня закончилась, я пошла к Диме.

Зря. Ничего хорошего меня там не ждало. Он лежал на кровати. Когда я поняла, что он нечеловечески пьян, развернулась и пошла обратно. Но он побежал меня догонять. Догнал, и мы вместе шлепнулись на пол. Я ударила бок. Он, извинившись и немного испугавшись, отпустил меня.

Почему-то в палате никого не было.

Одной в комнате стало скучно.

У Димы позвал меня Сережа:

– Пойдем в другую палату, я хочу поговорить с тобой.

В общем, когда он должен был уже меня поцеловать, в комнату ввалился шатающийся Дима?

– А че это вы здесь делаете?

– Тебя никто не звал сюда.

Я молчу.

Дима намного тяжелее Сережи и выше, но тот явно нарывался на неприятность:

– Вообще-то ты нам мешаешь.

– Это кто – кому еще мешает.

– Иди на х...й!

Я не успела отскочить и тоже немного потерпела. Слава богу, эти двое не долго качались по полу. В палату зашли врач и охранник. Не долго думая и воспользовавшись секундой, когда на меня не смотрели, я тихо вышла. Но охранник потом меня предупредил:

– Иди и сиди в своей палате. Что б никуда не выходила.

Да ладно, я не долго мучилась угрызениями совести. Правда, Сережу было жалко. Но Дима, по сути меня спас от необдуманного поступка.

В нашей палате сидели Полина, равнодушный к ней Карен, Саша, Алина и Вова.

Я села на свою кровать. Играла медленная мелодия. Вова подошел ко мне и протянул мне руку:

– Синьора?..

Я встала.

Мы танцевали и разговаривали. Он задавал мне все те же банальные вопросы, на которые я уже отвечала тысячу раз. Полина с Кареном встали и вышли.

Хорошо, что я в школе занималась танцами...

Саша поманил Алину, и они встали и вышли. Только я это поздно поняла. Почему-то закончилась одна медленная песня и началась другая медленная песня. Он остановился почему-то посредине песни.

– Ты знаешь, Саша, что мне по х...й, что от тебя хочет Дима и другие?

– Знаю...

Он начал наклоняться ко мне. Я встала на носки и дотронулась до его губ. Пока мы целовались, я вспомнила, как я на него смотрела, как я с ним тихо разговаривала, как я делала вид, что не обращаю на него внимания... или не делала? И я себе разрешила его любить.

Я его любила и совсем не чувствовала ни боязни, ни неловкости. Он был высоким, красивым и сильным. И целовался он так, как я любила. Все у нас получилось хорошо, и назад возвращаться не хотелось.

Он поднял меня и посадил на себя так, что б я обняла ногами его талию.

– А ты сильный.

– Я боксом занимался и плаванием.

Ну да, ну да. Это я где-то слышала.

Моя голова была выше его, и я наклонялась, что б его целовать. Он спустил меня вниз и стал отходить назад, ведя меня за собой. Так мы упали на кровать и стали целоваться там. Он обнимал меня и прижимал к себе, как дверь открылась. На пороге стоял охранник. Вова прижал меня сильнее, когда я хотела отстраниться.

– Ты тут? – Спросил охранник.

Я ответила:

– Да.

Охранник прикрыл дверь с той стороны. Вова посмотрел на меня.

– Да там Дима с Сережей подрались...

– Кто?

Это его развеселило. Ничего себе? Две совершенно разные весовые категории.

– Дима? С Сергеем?

В этот момент зашел Саша, сел напротив нас. Вова что-то по-армянски спросил у него. Он тоже развеселился и сказал мне:

– Из-за тебя ведь все.

Я с криком отмахнулась:

– Не – ет! Просто Сережа Диму на х...й послал!

– Из-за тебя, из-за тебя, – смеялся Саша.

– И че? – Встал на локоть Вова.

– И теперь меня из палаты не выпускают.

Я босиком прошлепала туда – сюда по палате.

– Не ходи босиком, – сказал Саша. – Сережа расстроенный в палате плачет лежит.

– Я сейчас приду.

Перед самой дверью в Сережину палату я услышала за спиной:

– Ты куда? Иди обратно.

Это был охранник.

Я прикрыла едва открывшуюся дверь:

– Но я только хотела...

– Иди в палату! – Повысил тот голос.

И я пошла в палату.

К Вова.

*****

Мне нельзя было тебя целовать,
Я не должна была влюбляться!
И нужно было сразу бежать,
Как только стал ты ко мне наклоняться.

Мне нельзя было с тобой танцевать,
Танец не мог столько продолжаться!
И я должна была сразу понять,
Не суждено вдвоем нам остаться.

Но я растерялась
И все позабыла.
И я целовалась,
Тебя я любила.

Все было случайно,
Но я привязалась.
Теперь я в отчаянье,
Что с тобою связалась.

Я знаю теперь – мне нельзя было, нет,
К губам твоим тогда прижаться.
Случайное счастье – сумасшедшего бред,
С ним не легко потом так расстаться.

Я от тебя отрекаюсь —
Это любовь.
Я забыть все стараюсь —
Это любовь.

И, когда понимаю —
Это любовь,
Все опять начинаю —
Страдать и плакать вновь.

Я прошлое свое читаю —
Это любовь.
От злости книгу закрываю —
Это любовь.

Лучше не думать, не знать,
Лучше бесчувственной быть.
Лучше когда-то сбежать,
Чем так вот сложно любить.

Глава 19
Ревность

– Пойдем в столовую со мной, не люблю есть один.

Мы пошли в столовую. Я пила чай, а он ел. Медленно. Закрывая рот на несколько секунд, что б прожевать, а то все меня спрашивал:

– У тебя есть дома парень?

– Есть.

Зачем ему это надо было? А зачем это мне надо было? Рассказывать ему про Валика. На самом-то деле, его, вроде, как и не было уже. Наверно, что б Вова больше меня любил. Да. Не могло же это Вову испугать? Он ведь и боксом занимался, и плаванием восемь лет...

У нас в палате было полно людей. Пустая кровать оставалась справа у двери. Я подняла подушку и села, облокотившись на спинку кровати. Вова сел возле меня. Напротив, на кровати был Сережа. Вове, наверно, кровь прилила в голову, и вместе с подушкой он меня опустил вниз. Я увернулась от него раз, второй... я не шутила. Причем если он из-за Сережи, то я тоже из-за Сережи.

– Да не буду я тебя целовать!

Встал и пошел куда-то за дверь.

В среду после капельниц, пока нас еще не начало ломать, Вова лежал у меня на коленях в моей кровати. Точнее, пока меня не начало ломать. На него арменикум не действовал так, как на остальных. По-моему, Вова вообще ничего не чувствовал.

Через полчаса мне стало плохо, но я продолжала сидеть, пока Вова не поднялся:

– Я пойду. А то ты так и не попросишь меня сама уйти.

Сережа нашел время, когда я в палате была одна, и зашел, прикрыв за собой дверь. Он сказал:

– Я не хочу видеть, как тебя обнимает кто-то другой!

Я могла рассмеяться, но не сделала этого, потому, что сама дала повод ему так себя вести:

– А чего ты хочешь от меня?

– Хочу, что б мы познакомились ближе.

Мне показалось, что это понятие очень широкое.

– Поедешь со мной в Москву?

– И что мы там будем делать?

– Придумаем что-нибудь. Что, мы не найдем в Москве что делать? Ты не бойся, мама против тебя не будет.

Теперь я смеялась и продолжала с ним этот глупый разговор. Мне так хотелось услышать от Сережи, что он меня любит. Но Сережа обиделся и ушел, стукнув дверью как раз перед носом Вовы.

– Что ему надо было?

– Хотел поближе со мной познакомиться.

Мне пришлось ловить Вову уже за дверью:

– Подожди! Это я виновата, он не при чем.

Я скороговоркой рассказала Вове о том, что я сама сказала Сереже, что тот мне нравится. Кажется, Вова ничего не понял, но я его втянула в палату, и мы начали целоваться.

Глава 20

На крыше

Карен и Полина сидели на ее кровати друг против друга, скрестив ноги по-турецки.

– Поцелуй меня, – попросил Карен.

Полина переварила просьбу и отрицательно покачала головой.

Я с Вовой сидела напротив и очень хотела, что б сейчас что-нибудь произошло.

– Ну пожалуйста.

Полина быстро его поцеловала.

– И все?

Удивлению Карена не было предела. Так не целуются. Целуются дольше.

Полина сама не знала, что делать. Он был ее на 7 лет младше, и любила она Хусейна.

Но противиться Карену не было сил.

На тумбочке лежали ножницы.

– Я сейчас возьму ножницы и порежу твою майку.

– Да пожалуйста, – сказала Полина.

Он взял ножницы, она повернулась к нему спиной, и он медленно, с улыбкой на губах разрезал майку как распашонку.

Полина выгнала его, переделась, и мы с ней пошли на крышу загорать.

Из восьмой палаты через окно можно было попасть на крышу. В некоторых случаях туда разрешалось ходить больным.

Полина взяла с собой одеяло и бутылку воды.

За нами в окно перелез Карен. Подошел и лег возле Полины. Она загорала, лежа на животе.

– Тебе не жарко? – Спросил он у нее.

– Жарко.

– Полить тебя водой?

– Полей.

Он полил чуть-чуть:

– Так?

– Да.

– Так?

Карен выхлюпнул ей на спину полбутылки.

– Ой! Ты что делаешь?

Одеяло намокло, и лужа быстро поползла ко мне. Я встала.

– Ну что ты делаешь? – спросила я у Карена.

Он тоже встал. И посмотрел на Диму за моей спиной. Дима держал в руке бутылку с водой. Которая в ту же секунду полилась сверху на меня.

– И – и... – сказала я.

Карен смеялся. Я разозлилась и выхватила у того из рук бутылку. Он не успел меня остановить, и я вылила на его грудь, – потому, что до головы не достала, – остатки воды. Теперь уже смеялась и я.

Моя черная майка прилипла ко мне. Я захотела переодеться. В палате у себя застала Вову.

– Это кто тебя облил?

– Дима!

– Пойду, поговорю с ним.

Его долго не было. Я застала его у Димы, с которым они сидели и вместе над чем-то смеялись.

Возвращаясь в мою палату, мы прошли мимо комнаты голубого Паши.

Глава 21

У гадалки

– Он тебе уже гадал? Пойдем, – не дожидаясь моего ответа, открыл дверь Вова и подтолкнул меня внутрь.

Паша был на месте.

– Погадай ей, Паша.

– Только ты выйди.

– А мне, что, послушать нельзя?

– Это ты у нее спрашивай.

– Пусть остается.

Ну не знаю я, какие вопросы задавать гадалкам!

Я рассказала Паше, что до этого встречалась с одним парнем:

– Ты можешь сказать, любит он меня, или нет? И будем ли мы еще с ним вместе?

Паша чего-то там посчитал на цифрах, потом по-своему разложил карты. И оказалось, что Валик, может, меня и любил, но вместе будем мы уже вряд ли.

Своим ответом Паша вызвал к себе отрицательное отношение с моей стороны. Вова будет моим, в лучшем случае, до окончания лечения. Дома же у меня остался только Валик. А теперь, оказывается, уже и не остался.

Но Вова пока меня не бросил. Он обнял меня, когда мы выходили от Паши, открыл дверь первой попавшейся палаты, – свободной, – и потянул меня к кровати.

– Я бы занимался с тобой любовью... два раза в день. Утром и вечером.

Я не поняла:

– А это хорошо или плохо?

– «Это хорошо или плохо».

Теперь уже он и сам не мог понять:

– Все остальные, кому я это говорил, спрашивали у меня: «А почему так мало»?

Конечно, я бы тоже это спросила, но не хотела быть похожей на всех остальных. И даже две секунды думала, два раза – это мало или много?

– Где ты была? – В первой палате спросила у меня Полина.

– С Вовой.

– Понятно. Что у вас с ним.

– Не знаю...

В нем столько было энергии! По сравнению с ним, с другими мне было не интересно и скучно.

Нет, все не то. С ним мне не нужна была ни водка, ни Ширка.

С остальными я дружила как бы из вежливости. А может, я просто пользовалась ими, что б не оставаться одной.

Вова же то приходил, то уходил. Никогда не оставаясь надолго. По-другому ему было бы скучно. Он был взрослым, я же, по сути, еще ребенок. И обижалась на бога, за то, что Вова проводил со мной не все свое время.

Например, он много времени уделял игре в нарды с Сашей, который его почему-то обыгрывал:

– Ты учишься в институте?

– Да.

– В каком?

– В экономическом. На менеджера.

– А как же сейчас?

– Академ – отпуск взял.

– А Карен?

– На юриста. – Вова хихикнул, – когда я шел на первый курс, я один был наркоманом.

К концу я весь институт подсадил.

– Почему вас не лечат?

– Как не лечат?! Папа даже в доме на первом этаже в комнатах решетки на окнах поставил. А к нам приставил телохранителя. Я раз послал его, думал, что он побоится мне ответить, но он как въе... ет мне по морде... я больше не стал с ним ругаться.

– А как ты первый раз вмазался? – Спрашивает Саша.

– мне 15 лет было. В нашем доме папа устроил ремонт, бригада ломала стены. И я увидел, как один рабочий «втыкает». Я подхожу к нему и спрашиваю: «Что это с тобой»? Он мне и рассказал, что с ним. Я попросил его, что б он в следующий раз принес и мне. И он принес. Самое интересное, что Карен в этот же момент тоже укололся первый раз, только на другом конце города.

Полина в палате рассказала:

– Меня папа задолбался уже лечить. Я его обманываю и обманываю. Закрыв он меня однажды дама, а я в залог барыге свою кожаную куртку оставила. Так и сказала отцу. Он дал мне денег на выкуп, и пошел со мной. Остался на площадке меня ждать. А я заплатила себе за дозу и вмазалась. Выхожу к нему, он спрашивает: где куртка? Я отвечаю, что нет куртки. И он как влепит мне посчетчину! После этого я тоже под охраной ходила. Но всё равно я умудрялась его обмануть. Например, брала дома видеокассеты, что б обменять в прокатном ларьке. Телохранитель ждал меня снаружи. Я давала продавцу – молодому пацану – деньги и просила, что б он сбегал и купил мне дозу. Пока я рассматривала кассеты и думала, что взять, он прибежал обратно, и приносил то, что я просила. Оставляя себе сдачу.

Ночью мне приснился сон, который я видела уже не первый раз, и сильно испугалась. Во сне я понимала, что я сплю, и хотела проснуться. Я пыталась силой открыть глаза, звала маму, потому, что это был не просто сон, а кошмар. Но очнуться у меня не получалось, хоть раз за разом я вроде бы просыпалась, но это был обман. Вновь и вновь.

Глава 22

Давай займемся любовью...

Дни проходили. Прошел день четверга. Завтра Полина должна была улететь в Киев. У меня же был билет на понедельник. Честно говоря, мы дома не думали, что в день после капельницы можно улетать.

Охранники прокричали отбой, и ушли в свою комнату.

Полина пошла к Карену. Через 10 минут я набралась смелости и пошла за ней к Вове.

Сидит Полина возле Карена, радуется его глаз... она, хоть и высокая, но по сравнению с ним, как кукла. Ну просто не хотелось вспоминать про того болгарина, и, что Полина любит его. И не хотелось вообще это знать.

Карен ничего не знал:

– Пойдем, займемся любовью...

Полина пару минут потянула, а потом потянула Карен:

– Ну, пойдем.

Он сам не ожидал, но поплелся за ней, держа ее за руку.

Вова притянул меня к себе:

– Если он трахнет ее, то и мы с тобой займемся любовью. А он... ее трахнет.

– Ладно, я пойду в палату.

– Иди. Спокойной ночи.

Как-то быстро вернулась и Полина:

– Ничего не было. В общем, у нас не было презерватива, и мы решили этого не делать.

Открылась дверь:

– Ты куда сбежала?

– Подожди, давай поговорим. – Он лег возле нее. – Карен, а Вове нравится Саша?

– Очень, – выдохнул тот.
Вздохнул и добавил:
– Пошли?
– Пошли.
Когда Полина закрыла за собой дверь...
В общем, когда она вернулась снова, я обрадовалась, как дурочка:
– А я не спала, и слышала, как ты спрашивала.
– Знаю я, знаю. Я это специально для тебя сделала.
Алина открыла глаза:
– Я тоже не сплю!
– А что у вас с Кареном?
– Он, просто ох... ый любовник! Но и я вела себя с ним по-взрослому. Карен теперь не забудет меня.
– А презерватив?
– Он нашел. Он спрашивает у меня: «Ты знаешь, что с ним делать?» Я говорю, что нет. Он говорит: «И я не знаю». И, в общем, мы наплевали на презерватив.
Утром у меня начались периодические, критические дни.
Вовы что-то не было видно. Я отправилась в душ, и увидела, как он идет мне на встречу:
– Ты уже знаешь? Да?
Он улыбнулся, и я улыбнулась. Он сказал:
– Ну-ну.
– Я тебе потом скажу.
– Что?
Я прошептала ему на ухо о нашей беде.
Он выматюгался и пошел своей дорогой.
Эх, обидно! Он так просто это пережил. Даже потом улыбался мне, даже затянул в пустую палату, даже вел себя, как обычно: целовал меня. Обнимал...
– Слушай, эле, расскажи мне еще раз ту сказку, что ты рассказывала мне утром.
Я не поняла, что он от меня хочет. А когда поняла, мне стало смешно. Я смеялась и с себя, и с него. Он мне не поверил.
– Это правда!
– Ох, что ты со мной делаешь! – шептал он. – Ты мне напишешь свой телефон?
С этим у меня была проблема. Я не знала, что придумают родители, куда они меня денут на эти три недели. Наверно, я поеду с папой за 600км к нему на работу. Но там он снимает квартиру, и телефона там нет. Да и Вова как-то не серьезно у меня спросил мой телефон. Слишком тихо. Я не хотела знать, что он может мне позвонить и не делает этого. А я бы только и смотрела на телефон.
– Вова, я не знаю, где я буду это время...
– Понятно.
Я чертыхнулась про себя. И решила подождать, когда он снова заикнется об этом. Тогда я что-нибудь придумаю. В следующий раз...
Я пошла в столовую, взяла чашку и попросила себе кофе. Я не пью кипяток и, поэтому под краном разбавила кофе холодной водой.
Я сидела на кровати и пила свой кофе. Вова зашел и попытался забрать у меня кружку. Я отвела руку назад.
– Ну дай я глотну!
– Не дам, он холодный! Сделай себе другой!
– Я хочу твой попробовать!
Я скривилась, и он скривился, когда сделал глоток:

- Он же не сладкий совсем!
- Я тебе сразу сказала, что б ты сделал себе другой, – обиделась я.
- Я очень сильно не люблю, когда меня критикуют.

Глава 23

Не плачь, Полина

Полина переделалась к самолету. Как раз приехали ее друзья – Лена и Алеша. Они с Леной долго разговаривали одни, а потом Полина пришла попрощаться. Карена в палате не было. Полина обещала, что в следующий раз снова останется на две недели. А потом у нее из глаз скатились две слезы. Вова забыл про меня и подпрыгнул со своего места:

– Полина! Прекрати плакать! Ненавижу, когда женщины плачут...

Она успокоилась. Появился Карен и увел ее.

Затем он взял чемодан Полины, и они пошли к двери. Охранники открыли им дверь и молча выпустили. Карен провел Полину до лифта и вернулся назад.

Вова грустно все это наблюдал.

Наверно в честь первых хороших результатов анализов, врачи согласились в субботу на легальную попойку.

Так же, как и в первый раз, в этот раз у нас в понедельник взяли из вены кровь на анализ. И полученные результаты говорили о том, как прошел первый курс лечения. У меня ни в ДНК, ни в РНК вирус не обнаруживался.

«Стол» накрыли в палате у Вовы и Карена. Вова был увлечен Леной и Алешей, и забыл меня пригласить.

Я ждала долго. А потом плюнула и пошла без приглашения.

Открыла дверь, прошла и села возле Карена.

Лена и Леша рассказывали новости, которые мы в больнице пропустили. После серии взрывов, их дом каждую ночь сторожили сами жильцы.

– Как раз была наша с Ленкой очередь, когда мы улетали в Ереван, – опрокинув кружку, сказал Леша.

Лена проявила такт:

– А где та девочка, что лежит с нами в палате?

Лену положили пока к нам с Алиной.

– В палате.

– Она, что, не пьет?

– Нет, – почему-то сказала я.

Я еще ни разу не видела, что б Алина пила.

– Так может мне пойти позвать ее?

Лена встала из-за стола, и пошла за Алиной. Через минуту они вернулись, и Алине налили штрафную.

Карен вызвал у меня улыбку:

– Что обо мне рассказывала Полина?

Она-то рассказывала.

– Ничего!

– Она ох... ая в постели.

– Она сказала о тебе то же самой.

Карену это должно было понравиться.

– А что еще она говорила?

– Честное слово, больше ничего.

Вова со мной даже не заговорил.

– Кто на улицу, собирайтесь на улицу!!

Больные попросили, и охранники вывели нас во двор. Закончилась водка, и парни решили, что смогут купить бутылку на улице.

Купили. Еле упросили охранника, и тот отправил их долой с наших глаз, что б они тихо выпили. А потом откуда-то взялся мяч, и пацаны на площадке стали играть в футбол.

Мы сидели вместе с Алиной на лавочке. Вместо мяча у футболистов летали тапочки. Им стало жарко и они поотдавали нам свои спортивные кофты.

Вова подошел ко мне:

– Нет, не дам я тебе свою кофту, – и протянул ее Алине.

Главное, и чужим не был. Дразнил, как родной.

«Ну и сдалась мне твоя мастерка». Я продолжала улыбаться.

Перед больницей был маленький базар, куда нас повели. Купили кто – чего хотел. Меня взял под руку Карен, и мы зашагали впереди всех. Слишком малая компенсация за равнодушие Вовы.

Я ела мороженое.

– Почему не сказала мне, что ты хочешь мороженое? Я б тебе сам купил.

Когда нам надоело гулять, мы вернулись в отделение. Первое, что бросилось в глаза, это то, что куда-то из чемоданов подевались пустые бутылки из-под водки. Одна такая была и у меня. Раньше. А теперь ее не было. Мне было не приятно, что в моей сумке рылись.

Вове стало скучно, потому, что все были в первой палате. Пришлось и ему идти туда. Он открыл дверь и вошел. Я, лежа на кровати, проводила его глазами. И у него вырвалось:

– Я вырву эти глаза...

Потом он мои глаза вроде сжал в кулак.

– ...оформлю их в зеленую рамку и поставлю у себя на телевизоре, в спальне. Что б постоянно видеть.

Даже не было важным, что он сел напротив. Смотрел он на меня, или не смотрел... я была, как машина, которую заправили бензином.

В палате была кофеварка, и, увидев ее, Вова попросил меня сделать кофе.

Я растерялась, взяла в руки турку, – правда я тогда не знала даже, что она так называется, – и грустно посмотрела на нее.

Хорошо, что Лена сама захотела сварить кофе:

– Дай мне, я люблю это делать.

– Ты, что, даже кофе не умеешь сварить?

Мне было стыдно, но он был прав. Все у нас не ладилось.

Помнишь, как ты улыбался,

Глядя прямо мне в глаза?

Как забрать их собирался,

И жалел, что так нельзя.

Говорил тогда: «Сеньора»,

Руку ты мне целовал?

И, танцуя в такт минора,

Ты так нежно обнимал.

Помню, словно по приказу,

Вдруг остались мы одни,

Я почувствовала сразу

На своих губах твои.

****

В воскресенье Карен злился, что Вова все откладывает и откладывает момент, когда надо уходить из больницы.

Возвращаясь из кабинета врачей, я увидела, что Вова уже одет, а рядом стоит чемодан. Я еле проглотила ком в горле.

Они со всеми прощались. Я села на диван к ним спиной. И спиной почувствовала, что Вова идет ко мне. Он наклонился, уперся руками в спинку дивана возле моих плеч, мы поцеловались, и он сказал:

– А с тобой мы еще поговорим, потом.

Я смотрела, как они выходят за дверь. Карен обернулся и крикнул:

– Саша, только не плач!

И от этого, конечно же, я заплакала.

Подбежала к окну. Они мне снизу помахали. Подошла врач:

– Ты их любишь?

– Угу.

– А кого больше?

Я до боли не люблю таких разговоров:

– Обоих.

– Ну а все же?

Нет, от нее так легко не отделаешься. Да и зачем?

– Вову.

Я пошла к себе в палату, легла лицом в подушку и зарыдала.

Глава 24

Вино и слезы

Конец дня был сумасшедшим. В палатах было полно водки. И как ее только пронесли? Водка быстро таяла.

Я сидела у Димы в палате. Рядом был и Леша, и еще один мужчина, которого я не видела раньше, и какого не увижу больше никогда. Он был пьян в зюзю. Водка пока кончилась, и они решили отправить его в магазин. Его б охранники отпустили.

– Только она пойдет со мной.

Это он меня имел в виду. Я перепугалась. А Леша за меня вступился:

– Не трогай ее. Она никуда не пойдет.

На нет и суда нет.

Все-таки хорошо, что в мире существуют мужчины. Как бы я смогла себя защитить сейчас, если б не Леша? Впрочем, если б не мужчина, мне б и защищаться не пришлось...

Я побелела и спросила у Леши:

– Чего он от меня хочет? Ну что я ему такого сделала?

– Не бойся. Я не дам ему чего-нибудь с тобой сделать.

В отделение пришли сестры – армянки и тот грузин. Прилетела девчонка из Мариуполя. Переделась в шорты и рубашку, из-под которой этих шорт видно не было. А это вам не Киев.

Она потянула меня к себе в комнату:

– Говорят, ты девчонка Димы?

У меня глаза на лоб полезли:

– Кто говорит?

Она поняла, что сболтнула лишнего:

– Так, никто.

Не люблю таких не пробивных людей.

Нас позвали кушать. Действительно, не мешало бы закусить. И снова выпить.

У меня так болела душа, что я то пила, то спала, пока меня опять не будил кто-нибудь.

То Дима, то Леша:

– Приходи ко мне в палату после отбоя, когда все заснут. Я хочу поговорить с тобой. Я опрокинула чашку:

– Угу, приду.

– Мариупольская вообще сдурела в таком виде тут расхаживать. Да еще с ее ногами...

Я была тоже в шортах:

– А с моими ногами можно ходить в шортах?

– Хм, у тебя очень красивые ноги. Тебе можно.

Вечером к нам с Алиной и старшей сестрой – армянкой, – их с младшей разложили в разные палаты, что б не шумели, – положили женщину – армянку. У нее только умер муж от СПИДа, и оказалось, что он заразил и ее. Она была убита горем, и ей пришлось поставить капельницу.

Старшая из сестер – армянок заметила, как ко мне относится Леша:

– Ты смотри, он такой. С мариупольской уже переспал... А ты слышала, что она себе когда-то шесть дырок ножом в животе сделала? Харакири пыталась сделать.

После отбоя я легла, не переодеваясь, спать. Пришел грузин и забрал с собой старшую из сестер. Ей тоже не спалось, как и ему. Он ее трахал, когда дверь открылась, и их увидел охранник. Он прикрыл молча дверь. А что ему оставалось делать? Дождался, когда девка вернется к себе в палату, и громко ее окликнул.

15 минут он объяснял ей, что она ведет себя неправильно. Отпустил и позвал того гада. 15 минут объяснял ему, что он ведет себя не правильно. Отпустил и пришел ко мне рассказать, что случилось:

– Не, ну ты представляешь, открываю дверь и вижу его голую задницу!

Поговорить ему было не с кем. Я уснула, но меня разбудил Леша:

– Ты почему не пришла ко мне?

– Идем.

В его комнате оставалась еще в бутылке водка, и мы выпили. Я начала рассказывать, как меня ломало первый раз, когда мои родители все узнали. Как Валик обманул всех, что мне колют чай, и я сама поверила в это, и сошла с ума.

– Я тоже прыгиваю без лекарств. Так быстрее и надежнее.

– Да? А где тут еще есть водка?

– А, там, в какой-то палате есть.

– Пойдем туда.

Мы сидели в темноте. Он встал и мы вышли.

– Подожди, давай зайдем сюда, – Леша кивнул на палату справа.

– Зачем?

– Пойдем – пойдем.

– Я не пойду.

– На пять минут. А потом пойдем к ним.

Мне было интересно.

Он стоял напротив меня:

– Поцелуй меня.

Я не хотела этого делать и направилась обратно. Леша меня схватил за руку:

– Поцелуй меня, и я тебя отпущу.

– Ну хорошо.

Поцелуй затянулся. Мне не было приятно. Я оттолкнула его от себя.

– Ну все, я пошла.

– Ты первая девушка, которая после этого от меня уходит.

Не знаю, что он имел в виду. Может, он думал, что его поцелуй разожжет во мне огонь? Это не имело смысла. Огонь разжечь во мне еще не удавалось никому. По этому, хоть и грубо, но мне на этого парня было плевать.

– У тебя же есть Лена?

– Я не люблю ее. Ищу способ от нее сбежать. Я хочу, чтобы она сама меня бросила. А ты мне нравишься по-настоящему.

– А мариупольская тебе тоже нравилась? Ты с ней тоже искал способ сбежать?

– Ты знаешь об этом?

– Я знаю, что ты с ней спал.

Если это был секрет, то его должен был знать один человек. Потому, что если секрет знают двое, его знают все.

– С ней у меня было не серьезно.

И я оставила его одного.

Лежа в кровати, я закрыла глаза. Но не уснула, потому, что от Лешки не так-то, оказалось, легко отделаться. Чего взять с пьяного человека? Он, как боров, прошел в палату, и уселся возле меня. За ним прошел Дима и сел к одной из сестер.

Одного поцелуя ему показалось мало. Он все пытался меня поцеловать, но я закрывала лицо руками и не давала к себе прикоснуться. Поднялся такой шум, что женщина – армянка заорала так, что слышали охранники. Дима с Лешкой и грузином совсем страх потеряли, забыв, что за стеной спят охранники, которым я была благодарна за то, что они прогнали отсюда Лешку.

Утром он меня попросил:

– Только не рассказывай никому, пожалуйста, о том, что произошло вчера?

– Хорошо.

А зачем мне это кому-то рассказывать, если это уже знают все, кто был тогда в палате?

Интересно, пообещали ли ему то же самое еще пол больницы?

Утренним самолетом я улетала в Киев.

Глава 25

Дом. Меньше знаешь – больше спишь.

На свете не было человека, который бы разделил мою радость. Или мою печаль... маме нужно было от меня, чтобы я училась и лечилась от СПИДа. Папе нужно было, чтобы я не кололась и бросила курить. Еще им хотелось, чтобы я перестала грызть ногти. Им хотелось другую меня. Их, конечно, все поймут. Но что делать мне? Я рассказывала маме о Вове, о том, что мы самые красивые, о том, что мы будем вместе. Но я знала, что при первой же ссоре это выльется мне во вред. Скажет: «Нашла себе очередного наркомана!» пока же она успокоилась и этим:

– Смотри же не ляг с ним в постель, когда полетишь туда в следующий раз.

В общем, мне нельзя было ей ничего говорить. Даже если сначала мама могла и порадоваться со мной, впоследствии она начинала меня высмеивать. Ну и я в долгу никогда не оставалась. Я вообще боялась и не понимала, как она может жить так, как живет? Сутками дома, выходя на улицу раз в день, утром, чтобы сходить на рынок. А потом щелкает семечки и разгадывает кроссворды.

Папа часто за меня заступался и, честно говоря, был мне даже ближе, чем мама. Где-то в глубине души я знала, что люблю ее, а она меня. Но, когда мы ругались, то вызывали друг у друга отвращение.

Иногда я посвящала в события своей жизни сестру, и она верно хранила мою тайну. Мне просто так надо было вылить кому-то душу!

Что ж рассказывать о человекоподобной обезьяне? Хорошо тем наркоманам, которые не понимают как им плохо. Но, например, у меня или у Вовы были нормальные родители, которые не давали нам подохнуть, погрязнув в наркотической яме. Они раз за разом возвращали нас к нормальной жизни. Но мы ничего не могли с собой поделаться. Только бог.

Вова рассказывал, как его и Карена родители привели в церковь. Мама попросила:

– Поклянитесь здесь, перед иконами, что больше никогда в жизни не будете колотиться.

И Вова не смог, он не поклялся. Перед кем угодно можно было поклясться, но перед самим собой...

Я не собиралась писать любовный роман, это – мой дневник. Но как-то увлеклась, хоть и не люблю романы о любви. Если честно, ближе к правде было б, если б я убрала из своего лексикона слово любовь. Например, как у Гарольда Роббинса, его герои живут, встречаются женщин, занимаются с ними сексом, затем кто-то кого-то бросает. Хотя, нет, извините, даже у Гарольда Роббинса мне встретился герой, который влюбился.

Даже тот же Леха Николаев из всех серий парочку вел себя, как влюбленный дурак.

Во всех случаях женщины были нехорошие и красивые. Одна попользовалась мужиком, вторая вообще, чуть не убила Леху...

А если меня представить глазами Вовы? Может, и я в его жизни была та, плохая? Я заполняла пробел, который образовался в моей жизни. Любовью. Пусть, даже, позови меня Вова с собой, я бы пошла за ним на край земли...

Я-то знала, что не смогу ему дать ничего, кроме боли. Взять к примеру меня и Валика. Я с ним ссорилась, ругалась, а все для того, что б снова начать колотиться. Так бы и с Вовой вышло. Если бы он даже ради меня и нормальной жизни бросил героин, я бы этого сделать еще не смогла.

Конечно, черт знает о чем думал Вова. Но мне мое чувство и не нужно было вовсе. И, если бы кто-нибудь сказал мне, что я влюбилась, я бы обиделась. Я изо всех сил держалась!

Дома только и разговоров было, что Колесников вот – вот должен ехать в Германию. Но результаты его анализов застанут меня позже, уже когда я буду в больнице, через три недели. Мы и представления не имели на что могут пойти люди и чем это все закончится. Германия это самый большой и первый производитель лекарств от СПИДа. Количество их прибылей даже в нулях не берусь измерить. Я не имею в виду панацею. Я о тех таблетках, которые киевские врачи не рекомендовали мне принимать.

Чем раньше вы начнете пить эти лекарства, тем быстрее организм к ним привыкнет и перестанет вообще вырабатывать собственный иммунитет, (мне даже запретили пить обычные иммуналы и т. п.).

И, что самое интересное, когда папа пробивал мне пропуск в Ереван, он разговаривал с одним большим начальником, который сам столкнулся лично с этой бедой. Он объездил весь мир и пришел к выводу, что тритерапию принимать вообще нельзя. В Украине люди бедные и эти лекарства покупать не в состоянии. Но и смертность от СПИДа, оказывается, в Украине отсутствует. Так, что этот мужчина советовал папе отказаться от мысли везти меня куда-то и лечить.

Не знаю, может, шесть лет назад в Украине просто СПИДом еще не болели, потому и не умирали...

Но когда-то мой папа вылечил бабушку от рака, просто не сказав ей, что она больна. И теперь он твердо внушал мне, что... СПИДа, может быть и вообще не существует. А придумали его ради денег. Его теория в последующем не раз подтверждалась. Однажды об этом писали в газете «Секретные материалы». Но чем же объяснялось, что умирают, например, дети

с этим диагнозом? Тем, – отвечали в газете, – что все эти дети заразились от своих родителей – наркоманов так же и гепатитами, и сифилисом... и вот эти дети умирали как раз от этих болезней. А сам вирус СПИДа-то никто и не видел никогда! Просто предполагают, что есть что-то такое, чему дали название СПИД.

Хотя мы с мамой не поверили в эту статью. Не дай бог этому поверит наш президент и вообще в стране перестанут лечить и делать анализы, которые нужно было делать постоянно. Не важно то, например, что иммунитет у меня в два или в три раза ниже нормы. Надо было знать с какой скоростью он у меня падает. Или с какой скоростью увеличивается количество вируса в крови.

Между прочим так и случилось. Кучма сказал, что в Украине СПИДа нет, и закрыл в Киеве СПИД-центр.

Даже если б у меня и были деньги на тритерапию, мне нужно б было быть уверенной, что деньги будут у меня всю жизнь. Потому, что если перестать принимать тритерапию, можно сгореть за недели.

Арменикум же обещал совсем другое. Он обещал полное и бесповоротное выздоровление. Л. А. говорил:

– Вы даже детей сможете иметь.

Л.А. уважали. Например, у Полины заболел зуб, так, что опухла щека. Он ее отвез к стоматологу и сам заплатил за лечение. Врач у него спрашивает:

– А что теперь делать с инструментами?

– Положи в спирт на полчаса и пользуйся дальше.

Например, так и вошло в историю, как больные достали своим поведением охрану. Приехал Л. А., и те ему пожаловались: тот обкололся, то обкурился, тот напился,...но Геворкян только крикнул:

– Они все – равно, когда вернуться домой, будут колотья! Оставьте их в покое.

А с другой стороны, даже Колесников когда-то смеялся, что не дай бог Л.А. прикоснется к его Марине!

Но со всех сторон Л.А. это была сила. Как-то в аэропорту с Полиной пошутил молодой человек на рабочем месте, он не хотел ее пропускать, пока она не даст ему свой телефон. Полина по глупости брякнула об этом кому-то из охранников. Через три недели я слышала, как он сказал Полине:

– Того парня в аэропорту уволили.

Полина расстроилась, что из-за нее пострадал человек. Работу найти в Ереване очень не просто.

Как же они определили того бедолагу?

В обратный путь Полину пошел провожать охранник. В аэропорту он спросил у Полины кто к ней приставал? Увидев его, Полина сказала, что его здесь сегодня нет. Может, проговорила, как его зовут?..

Вообще наши охранники интересные были люди. Высокие, красивые они говорили:

– Женщин плохих не бывает. Бывают мужчины, которые не знают как себя с ними вести.

Глава 26

Армения, Хусейн

Две недели я провела в селе с папой...

Оставалось подождать два с половиной часа в самолете, затем взять такси, заплатить 5000 драм, а не 10 и не 20. Открыть дверь больницы и подняться на четвертый этаж.

В холле на диванах сидели ребята, одного из которых я смутно помнила. Он улыбнулся и кивнул мне. Я сделала то же самое.

Когда я стояла в комнате охранников, сзади подошла Алина и испугала меня:

– Привет!

– А ты что здесь делаешь?

– А я никуда и не уезжала.

– Все три недели тут жила?

Она забрала у меня сумочку:

– Пойдем, я по дороге тебе все расскажу.

– А где Полина?

– Уехала. Они тут с Хусейном...

– С Хусейном?

– Ну, в общем, любовь у них была большая.

Предательница, – подумала я. Предала и меня и Карена. Хотя я и без Алины понимала, что так оно и будет.

– ...она еще в Ереване. Только ты врачам не проговорись. Хусейн каждую ночь в ее постели проводил. Они тут цыгана раскрутили на героин. Тут такое творилось все это время, пока была их группа! Цыган хотел скрыть от Хусейна, что у него есть героин, так Хусейн ему морду набил...

– А как тебя здесь оставили? Ты ж собиралась снять в Ереване квартиру.

– Собиралась. Я уже и ушла из больницы. Но мы с пацанами пропили все наши деньги в первый же день. Врачи сначала кричали, когда я попросилась обратно, но потом согласились.

Я переделалась и пошла к тому парню, который со мной здоровался. Он оказался другом цыгана. Последний, кстати, был еще ребенком, и тоже из Иркутска, как и второй Андрей, который домой не улетал, сегодня закончил свое лечение, и все это время был с Алиной.

Паренек мне говорит:

– У нас с цыганом не было шприца. Мы знали, что у Полины есть. Ну, мы и позвали ее, что б поделиться.

Понятное дело, что если у тебя до этого и не было гепатитов, то после лечения будут.

– ...мы взяли с нее слово, что она никому не скажет, где взяла героин. А через полчаса пришел Хусейн...

Я, улыбаясь, вернулась к себе в палату, где встретила с этим болгаринном:

– Привет. Чего это ты цыгана обижал?

– Так сам он виноват, – можно подумать, я сомневалась. – Я пришел. Спросил: есть героин? Он ответил: нет. А потом смотрю, Полька убитая. Ну и где она взяла? Сразу понятно... я не виноват был. Просто, зачем врать? Я бы понял, если бы он приехал в системе, и ему самому нужен был героин, да каждый день. Сказал бы по-человечески, я бы понял. Но у него было пять грамм!

– Да знаю я все это.

Хусейн, как сказочник, рассказывал мне, что случилось, и мне не хотелось его прерывать.

– Знаешь? Я просто не хотел, что б ты думала, что это я...

****

Мы с Алиной решили напиться. У нее хранилась веревка, сделанная из лоскутков полотенца. Под окнами всегда дежурили пацаны, и им надо было просто сбросить деньги и сказать, что желаем. А потом спустить веревку, подождать, пока они привяжут к ней пакет с заказом, и тихо поднять наверх.

Но сегодня было уже поздно, и мы решили отложить все до завтра.

Утром пришел попрощаться Хусейн. Потом заглянул Андрей:

– До свидания, девчонки. Пока, Алина.

Я удивилась и подумала, что за эти три недели у них наметилась в отношениях какая-то нежность. А потом вспомнила, что Алина любит адлерского Андрея.

Она вышла за ним в коридор. А, когда вернулась, сама призналась:

– Я с ним переспала. Он такой хороший... проговорили всю ночь. У него в Иркутске есть девушка, но он не знает, осталась ли она у него еще. Он уехал в Ереван, после того, как рассказал ей, что ВИЧ-инфицирован. Мы договорились писать друг – другу письма.

Мне оставалось только переварить информацию.

– Ну, что, будем пить?

– Надо посмотреть, кто остался и попросить, что б они спустили коня.

Оставались знакомые Алине два парня. Один эпилептик, и второй – его друг. Они нам и помогли. Первый рассказывал:

– Я недавно так напился, что врачи подумали, что у меня приступ эпилепсии.

Сегодня должны были приехать Вова и Карен, и я просто искала, чем занять время до того, как они приедут. Маялась, маялась, а когда осоловела, забыла.

Глава 27

Все из-за любви

Зазвонил телефон, и охранник крикнул мою фамилию. Я подбежала. Звонила мама. Пока я отвечала на ее вопросы, в холле кто-то мне мешал. Громко разговаривал, а потом позвал меня. Я положила трубку и выглянула в холл. У меня плохое зрение, поэтому, я развернулась и направилась к себе в палату. Сделав два шага, я поняла, что на диванах не увидела Вову и Карена, и звал меня кто-то из них.

С ума сойти. На их лицах было удивление, когда я вернулась к ним. Я не видела Вову всего три недели, и уже не узнала. А что же будет дальше?

Я подошла к Карену и поцеловала его в щеку:

– Я не узнала вас!

– Чего это ты?

Когда я наклонилась к Вовиной щеке, он поцеловал меня в губы.

– Пойдемте к нам в палату.

– Сейчас, – сказал Вова.

– Идемте, у нас там водка...

– А-а, – протянул Карен, – теперь понятно, что с тобой. Пойдем.

– Вова...

– Идите, я приду потом.

Пить он не хотел. Но, когда через пять минут зашел в палату, что-то сломалось, и он попросил налить и ему.

– Где Полина? – Спросил Карен.

Я ответила:

– Ее нет, она вчера ушла.

– Почему?

– Я не знаю.

Но Карен не хотел ее забывать так быстро, как хотелось этого мне. И все время ее вспоминал. Тогда у меня слетело с языка:

– Забудь, Карен.

Я как-то даже не подумала, что причиняю ему боль. А надо было подумать.

Он сказал:

– Понятно.

И усмехнулся.

Карен пил, и пил, и пил... пока не закончилась водка. В общем – то, как и все остальные. Только на душе у него было намного хуже, чем у других. Но он старался не подавать вида. Нет, так нет.

Карен сидел в своей палате, увидел, что я прохожу мимо, и позвал меня:

– Ну, чем ты тут занималась?

– А ничем. А вы?

– А мы в бар ходили. Там была такая официанточка! – он сделал ударение на слове такая. – Вова так и провожал ее глазами... но у него ничего не получилось.

Вова, быстро шагая, заглянул в палату:

– Саша! Пойдем в столовую.

– Опять?!

– Мы едим один раз в день: с утра до вечера.

В отделении нельзя было желать «приятного аппетита». На это отвечали: «не твое дело».

Вова кушал и спрашивал:

– Никто не приставал, когда меня не было?

– Нет, – засмеялась я.

– Точно?

– Ну... Алеша просил, что б я его поцеловала.

– И все?

– Да.

– Ты виделась дома со своим парнем?

– Нет.

– Почему?

– Да мне даже и не хотелось.

– Расскажи, почему.

– Потом. Пока рано.

– Я хочу знать это сейчас!

– Из-за тебя.

– И все?

Я обиделась и пожалела, что ему призналась.

– Ты ко мне тогда последние дни и не подходил.

– И ты не догадываешься, почему?

– Нет.

– Что, правда, что ли?

– Да...

– Мамой поклянись, что не знаешь!

Нет, он надо мной издевается. Ну, и я над ним:

– Клянусь.

– Ты же только и делала, что говорила о своем парне!

Я показала ему все свои зубы. И удивилась:

– Но ты ж сам меня спрашивал!?

– А у гадалки? Зачем ты спрашивала про него?

Вот за этим и спрашивала.

– Ладно, а чем занимался ты?

– Да в бар ходили с Кареном.

– И ты там разглядывал официантку, только у тебя ничего не получилось, потому, что армянки не преступны.

Он и до того уже не улыбался:

– Это тебе Карен успел эту х...ю рассказать...

Вечером Карену стало скучно, и он додумался сбежать в город. Это можно было сделать через ту крышу, на которой мы загорали. Вниз с нее спускалась лестница. Правда, до лестницы оставалось еще доброе расстояние, но Карен бы спрыгнул.

– Пойдешь со мной, Вова?

Я затаила дыхание.

– Нет. Тебя ж выгонят?

– Ну и ладно, тогда я пошел.

В городе был праздник, и Карен решил потратить все деньги, что были у него и его брата.

В конце концов, его – то начали искать. Вова предупредил нас с Алиной, что мы ничего не видели. Я пожала плечами:

– Ты, что, нас за дурочек держишь?

В коридоре охранник подошел к нам с Вовой, и стал между нами. Обнял нас за плечи и стал весело допрашивать:

– Куда делся твой брат?

– Да не знаю я!

– Как он мог уйти?

– Ну, здесь только два выхода: через дверь и через крышу.

– Ты же его брат, пойди, поищи его.

– Где? Под кроватями?

– А от кого это спиртным тянет?

Охранник серьезно посмотрел на меня. Вова тоже серьезно отвлек его :

– Это мой одеколон.

И тот оставил нас в покое.

– А как твой брат думает незаметно возвратиться?

– Так же, как и ушел.

По-моему, это было не возможно, если, конечно, ты не умеешь летать. Спрыгнуть – можно, а вот запрыгнуть...

– Он может. Это же Карен.

Мы вошли в полутемную палату. Вова рассказывал мне какие-то сплетни про наших больных. Я его не слушала.

– Ты знаешь об этом?

– Да мне наплевать на них, Вова.

– Правда? Мне тоже здесь никто не нужен, кроме Карена и тебя.

Ближе к ночи беглец позвонил в дверь. Ему открыли. Карен в одной руке держал воздушный шарик на палочке – голову зайца, а в другой руке – молодежный журнал. Он, улыбаясь, прошел в свою палату, где прилепил на внутреннюю сторону двери постер из этого журнала с голой женщиной.

– Ты знаешь, как я люблю своего брата? – Говорил он тогда мне. – У меня есть вся такая же одежда, что и у Вовы. Просто мы здесь не хотим одинаково одеваться... я брата люблю больше всех в мире...

Вова зашел к нам:

– Ну, как погулял? Ты же все наши деньги пропил.

– А знаете, что самое интересное было?

– Ну?

– Когда я слезал по лестнице, меня в окно увидела какая-то женщина. Я попросил ее промолчать – Карен приставил палец к губам, – и она мне улыбнулась.

– Отбой!!

Я знаю, что тебя не знала,

Но я хотела тебя знать.
Что б вместе жизнь наша бежала,
Что б я могла тебя читать.

Твой каждый взгляд,
Твой каждый вздох,
Что говорят?
Ведь ты – мой бог.

Жизнь не могла тебя сломать.
Я помогу, и ты сумеешь
Подняться и опять шагать,
Туман вокруг себя рассеешь.

Но ты теперь не хочешь жить,
Но я одна сошла с ума.
Ведь вместе нам уже не быть,
И не рассеять тот туман,

Что между нами появился,
Когда судьба меж нами стала.
Ты на пути своем разбился,
Я ж сумасшествие узнала.

Глава 28

Ну, что, мы будем заниматься любовью?

Арменикум обладал многими хорошими свойствами. Мало того, что он лечил от всех болезней, так от него еще и прыщики проходили. Многие больные просили, и им из сейфа доставали эту черную мазь, что б намазать ею лицо. Но еще арменикум обладал другим свойством. Он на парней действовал, как виагра, (не знаю, была тогда уже виагра, или нет). Стоило после капельнице им подумать о девушке... о девушках им думать нельзя было.

Мариупольская влюбилась в женатого грузина. Тот все время проводил с ней. Но, когда она попросила у него какой-нибудь подарок на прощание, он принес ей из столовой бутылку джермука и сказал:

– Дарю.

Да и Андрюха не был влюблен в Алину. Он вообще запретил ей рассказывать кому-нибудь об их отношениях, хотя они по нескольку раз в день закрывались в душе.

Нам же с Вовой охранник ночью только свечку не держал. Мы с Алиной уже переоделись и легли спать, когда он зашел, недолго поиздевался надо мной, велел переодеться и идти к Вове.

Я открыла дверь их комнаты, и они устали на меня.

– Заходи, – Сказал Карен, – а что там Алина делает?

– Спит.

– Как ты думаешь, я смогу раскрутить ее на секс?

По-моему, у Карена крыша поехала:

– Иди, попробуй.

И он ушел.

Я села возле Вовы.

– Ну, что, мы будем заниматься любовью?

– У-у.

Охранник заглянул, и что-то громко сказал Вова на армянском языке. Тот низким басом засмеялся.

– Что он сказал? – когда он закрыл дверь, спросила я.

– Он сказал такое, от чего ты можешь обидеться.

Вова положил меня рядом с собой:

– Но я тебе три недели не изменял...

Я тянула резину.

– Знаешь, что он сказал? «Я бы ее уже 10 раз успел трахнуть»!

Я засмеялась.

– И выплюнь ты жвачку!

Я выбросила жвачку в мусорное ведро.

– Вова, а за что тебя чуть не посадили?

– Тебе не надо это знать...

****

Пока Алина не достала меня своими расспросами, я спросила у нее:

– Карен приставал к тебе?

– Нет! А что, он за этим ко мне приходил?

– Точно, именно.

– Ничего даже подобного! Мы просто разговаривали. Он все Полину вспоминает.

Завтра пришло воскресенье, а с ним и остальные больные нашей группы. Почти весь день Вова был занят с ними.

Глава 29

Героин

Посреди ночи я проснулась. Алина тоже, оказывается, не спала:

– Андрей только что заходил, взял у нас чайную ложку.

– У них, что, героин есть?

– Да, Джамал привез.

Самое интересное, что сам он бросил и колоться, и пить, и курить.

– А где они?

– В третьей палате.

Через минуту опять зашел Андрей спросить есть ли у нас еще сигареты.

– На, – я достала из чемодана целую пачку.

– Спасибо.

После того, как за сигаретами пришел вскоре Саша, спать мне совсем расхотелось. Вова весь день не подходил ко мне, и я решила, что если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе.

Вова сидел один на кровати, и я устроилась рядом. Передо мной Саша наезжал на Сережу. Чего-то там Сережа сделал не так. Пообещал, и обманул. Кажется, взял денег в прошлый раз на наркотик, и не принес ни наркотик, ни деньги.

Справа от меня сел один парень из наших больных:

– Ты бы пошла пока к себе. Зачем тебе смотреть на это?

Я сказала, что сама разберусь. Пока я была здесь, они б не посмели причинить Сереже какой-то серьезный вред.

В шесть часов утра невыспавшаяся медсестричка в который раз заглянула в палату. Мужики повысили голос:

– Да ладно тебе, уже подъем скоро...

Она было такая маленькая и добрая, что ничего с ними поделаться не могла.

Когда мне надоело так сидеть, я вернулась к себе.

Под утро Вова пришел ко мне.

Все мои сигареты были выкурены, и через полчаса он собрался куда-то за сигаретами.

– Не уходи! Тебя и так целый день не было.

Он улыбнулся:

– Я сейчас вернусь, обещаю.

Через полчаса, час уже начинали ставить капельницы, а пока, что б не раздражать уборщицу, которая нас с шумом обычно будила по утрам, Вова подумал, что нам с ним лучше пойти на диван в холле.

Его голова лежала на моих коленях, а он рассуждал, – наверно от избытка героина в крови:

– Ты представляешь, что у нас могут быть дети? Ты кого б хотела: мальчика или девочку?

– Девочку, кон...

– Чего? Какую девочку? Мальчика. Я сказал.

– Нуда. Будет бегать, в войнушки играть. Девочка – ласковая. Хоть придет, сядет на колени...

– Нет, мальчик. Интересно, на кого он будет похож?

Я ничего не имела против Карена – брата Вовы – но лицо у него было не красивым:

– Представляешь, если он будет похож на Карена?

Вова меня не понял:

– При чем тут Карен?

Действительно, он здесь был ни при чем. Одному богу было известно, о чем подумал Вова.

Глава 30

Проклятый арменикум

Днем, когда меня перестала колотить после капельницы, я взяла полотенце и пошла в душ умыться. Там в котле была вода, а в палате из-под крана ничего не бежало. Возвращаясь назад, я увидела, идущего мне на встречу Вову. Мы подошли друг к другу вплотную. Я сделала шаг вправо, что б обойти его. Но он шагнул в ту же сторону. Я вяло улыбнулась и решила сделать шаг влево. И опять наткнулась на него. Потом я наконец-то поняла, что он издевается надо мной:

– Тебе что, после капельницы не бывает плохо?

– Нет, не бывает.

Вова обошел меня, обнял, и мы зашагали вперед. Я посмотрела на свое полотенце, а Вова швырнул его в мою палату на мою кровать, когда мы к ней подошли. Мы пришли в столовую. Вова взял себе большей кусок сыра.

– Порежь, пожалуйста, – попросил он меня.

У меня вышло коряво.

– Ты всем так режешь?

– Нет, мужу буду резать нормально.

Я просто хотела сказать, что со мной еще не все потеряно.

– А кто я для тебя такой?

Я не какой-то там психолог, и, поэтому, что хотел услышать в ответ Вова, не поняла. Просто промолчала. Но меня что-то в его голосе одернуло.

Если бы он сам мне рассказал, кто он для меня? Я б послушала.

Как не хотелось Андрею, что б узнала о нем и Алене, все равно все отделение уж знало. Поэтому, он, не скрывая, лежал возле Алены. Я завидовала Алене, что ее обнимает Андрей, а я валяюсь одна. Но открылась дверь, и я увидела Вову. Непроизвольно улыбнулась, и Андрей меня сдал:

– Ты б видел, как она улыбается, Вова, когда видит тебя. Вон, какая довольная лежит. Вот, предатель.

Вова гладил мою шею, а я, как ни банально это звучит, боялась пошевелиться.

– Ты спишь, что ли?

Уже в дверях он позвал:

– Идем со мной.

– Нет, – я отрицательно покачала головой.

– Не хочешь? Как хочешь!

Я нашла его в пустой палате. И это был последний раз, что мы были так близки.

Я уже говорила, что, что такое страсть, я еще не понимала. Из-за этого лично я не переживала, потому, что знала, что это придет с возрастом. А мне, если честно, пока и восемнадцати не было.

Но Вову это расстроило. Потому, что сам-то он растянуть удовольствие на дольше не смог. Он выругался, и сел на кровати ко мне спиной:

– Со мной в жизни такого не было! Это все проклятый арменикум.

Я положила руку ему на плечо:

– Успокойся.

Он посмотрел на меня и стал одеваться.

Я поинтересовалась:

– Ты будешь у себя в палате?

– Да.

К себе я не попала, потому, что, открыв дверь, увидела Алину, пока еще сидящую рядом с Андреем. Он меня попросил:

– Оставь нас одних.

Я пошла к пацанам.

Карен стал издеваться:

– А что случилось? Что, в собственную палату не пускают?

Я кивнула.

Саша засмеялся и подпрыгнул с кровати:

– Пойдем, Карен, им кайф поломаем!

Они ушли, а вернулись с воплями, и громко топая.

Через пять минут Карен сказал:

– Иди, они уже закончили.

И я ушла.

Глава 31

Это конец

На следующий день Вова зашел и увидел у меня на тумбочке мягкую игрушку, маленькую собачку. Он взял ее в руки, и стал шутить со мной:

– Что это у тебя такое? А чем это ты с ней занимаешься...

– Вова, – я на животе лежала на кровати, – не зае... вай.

– А ну, повтори, что ты сейчас сказала.

Я не смотрела на него. Все, – думалось мне, – это конец. Какого... я это ему сказала...

– Алена, повтори ты, что она только, что мне сказала?

– Она сказала, что б ты не зае... вал ее.

Я думала, она промолчит. А она предала меня. Или наоборот? Показала, что за меня всегда и во всем?

Конечно, Вова так рычал, что слабый человек не посмел бы ему не ответить. А там кто его знает? Может, он был глуп, я была глупа, а Алина была умной...

Может, это мое молчание было трусостью? Хотя на самом деле, я просто очень хотела вернуть свои слова обратно, и не потерять Вову. А Алина, мне кажется, взяла в этой войне сторону Вовы. А это уже начиналась война.

Через час мужики решили сброситься и купить дюжину бутылок пива и водки. Прошлого «коня» мы с Алиной куда-то так запрятали, что сейчас не смогли найти. Потому Саша сбросил с окна деньги и решил:

– Давайте, несите простыни. Свяжем их между собой целыми и спустим вниз. А потом развяжем

Так и сделали. Ребята принесли из магазина заказ, причем в двух пакетах.

Андрей спустил простыни, внизу привязали к ним первый пакет. Но, только пакет стали поднимать, как простыни развязались. Хорошо, что высота еще была не большая, и разбилось пару бутылок, упав на землю. Мы стали тихо ругаться, но что делать? Подняли простыни. Несколько простыней оказались мокрыми. Андрей их связал заново.

Пацаны на улице переложили целые бутылки в другой пакет и крикнули:

– Поднимайте.

В этот момент в двери постучали, и мы охнули, испугавшись. Это был Саша:

– Чего вы? Я же специально постучат. Вы ж знаете, что охранники не стучат.

С горем пополам, все места под нашими подушками оказались заняты бутылками. Вот только при раздаче простыней совсем мокрая досталась Андрею.

Вова участие пока во всем не принимал. Сидел в холле и смотрел кино. Долго.

Я без него уже и жить не могла, не то, что делить его с телевизором и тратить время в жизни без него. Поэтому и пить мне было не интересно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.